

СМЕНА

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Переписка сифаталей «СМЕНИ»

НАПИШИТЕ МНЕ
О СТАХАНОВЦАХ

(Письмо из Швейцарии)

Мне 19 лет, я не коммунист (еще нет). Я был воспитан в буржуазном духе несмотря на то, что с 8 лет батрачил у одного крестьянина. Однокурсником я учился в школе. Потом меня отдали в ученье к электромонтеру, не спросив моего желания. У электромонтера я пробыл 4 года. Но работы, как и все другие наши юноши, я не могу достать.

Верните мне, дорогие товарищи, что швейцарские пролетарии stole в единый фронт. Каковы настроения среди рабочих, покажет вам следующий факт.

В местной фашистской прессе появилось письмо, в котором писали, что скоро вся Швейцария станет фашистской и что наше прекрасное Женевское озеро будет преобразовано в подарок «фюреру», т. е. Гитлеру. Один из фашистов говорил подобные вещи в группе рабочих. Тогда рабочий схватил фашиста и бросил его в озеро. Тот начал отчаянно барахтаться и звать на помощь. Рабочий кричал: «Ну, как ты себя чувствуешь в этом прекрасном озере? Перейди вся своим друзьям, что мы, рабочие, поступим так с каждым, кто протянет к нему руку!»

Прекрасный ответ, не так ли? Мы, швейцарские рабочие, не отдадим нашей родины фашистским собакам!

О Стаханове и стахановском движении говорят все. Я желал бы

переписываться с каким-нибудь молодым рабочим из Советского союза. Там хотелось бы хотя бы один раз увидеть города рабочих! Но нам всем надо работать здесь! Напишите мне подробно о стахановском движении.

ФРАНК Ш.

Писать мне можно на адрес редакции журнала «Смена».

ПИСЬМО В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Уважаемый Всесоюзный Эмилей! Вы, может быть, удивитесь, что неизвестный парень пишет Вам письмо, но мне очень давно хотелось написать Вам. И когда я прочел в «Смене», что журнала может мне помочь в этом деле, я, наконец, решился.

Я очень много слышал о Вас и Вашем театре от тех, кто бывал в Москве. Кроме того я читал о Вас все, что только мне достать, в книгах и газетах.

Я тоже больше всего на свете люблю театр. Когда я в первый раз, еще мальчишкой, попал в театр (у нас в клубе ставили «Назубойнички»), я сидел как ошалевший. Вся публика разошлась, а я все еще сидел, пока уборщица не сказала мне, что нужно уходить.

Я очень любил читать вслух стихи, а после этой постановки

стал брать в библиотеке поэмы и начинать читать целые страницы.

Когда у нас при аэсопальном заводе организовался драмкружок, я записался одним из первых.

Мы ставили «Девушки нашей страны» и «Чудесный слав». И публике очень понравилось. Но вот о чем я хочу спросить Вас, товарищ Мейерхольд: когда играешь в таких пьесах, как «Чудесный слав», то играть легко, потому что играешь самого себя, такого же молодого парня-комсомольца. Тут вот, я хочу спросить Вас, что лучше ставить начинающим: такие пьесы, как «Слав», или другие, в которых играть труднее, но интереснее?

Еще один вопрос: в книгах о акмеистских актерах пишут, что они многому научились, наблюдая игру других актеров, а как же быть нам? Ведь у нас здесь хороших актеров почти нет.

Еще многое хотелось бы Вам написать, о многом спросить, но боюсь очень отвлечь Вас.

С нетерпением жду Вашего ответа.

С. ФИЛИППОВСКИЙ

БССР.

ПРИВЕТ С БАЙКАЛА!

Ученице 27-й школы Октябрьского района Москвы Мария ЗЕЛЬДЕС

Марис!

Сегодня прочитала в «Смене» о твоих мечтах.

Я не ученица и немного старше тебя. Мне 21 год. В 1930 году я так же, как и ты, металась между мечтой и комсомолом. Моя мечта была: я член ВЛКСМ с 1930 года. Сейчас я тоже мечтаю учиться. Я работаю, а вечерами дома готовлюсь к будущей учебе. Одной мне заниматься трудно, но у нас в Слюдянке (маленький поселок на берегу Байкала), пока еще нет ни вузов, ни техникумов. Когда я почувствую, что моих знаний достаточно для того, чтобы успешно за-

ниматься в вузе, приеду в Москву поступать в военно-химическую школу. Это моя мечта. Тогда, может быть, мы с тобой встретимся. Пока будь здорова.

С комсомольским приветом

ДЕЛА ЯКУБОВСКОЙ

Восенинградский край, станция Слюдянка.

ХОЧУ ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ

Киев, ученикам 10-го класса * 45-й образованной школы.

Я хочу переписываться с каким-нибудь учеником из вашего класса, узнать, как он живет, как учится, куда думает поступать после окончания школы.

Я ученик 10-го класса 57-й школы СОНО, комсомолец, членский отряда и пионерского фронта. В этом году мне пришлось поработать на производственной летворной, среди которой было несколько дуэлянтов. Вначале дело не шло, но в те годы, когда мы организовали драмкружок и кружок наизготовку, ребята перестали дуэлянтить: они активно работают и кружатся.

В какой вы думаете поступать после окончания ваших ребят? Мой мечта—Восная академия механизации и моторизации.

Жду писем!

ТИМОФЕЙ БЛЮМКИН.

ученик 57-й школы СОНО

М. сша.

КАКОМ ДОЛЖНА БЫТЬ «СМЕНА»

Отвечает письмо Ю. Я. Котляру (С. «Смена» № 1).

Товарищ Котляр! Я тоже регулярно читаю журнал «Смена». Несомненно, журнал дает очень много, особенно нам, молодежи. Читая журнал с большим интересом. Но все-таки журнал недостаточно освещает культурно-бытовые вопросы.

Меня как читателя интересует жизнь и работа известных людей нашей страны: Героев Советского союза, академиков, писателей, ставленников и других, но из методов работы, их умной организованности труда, свою личную жизнь должны знать нас, молодежь, энтузиасты. Мы исследовали с тов. Котляром, что в журнале надо помещать стихи и очерки... Если в журнале не будут печататься стихи, очерки, рассказы, то он будет сухим, скучным, и наша молодежь, борясь модерном не будет читать такой журнал. Я, например, очень интересуюсь жизнью героев и других людей, как например рассказ И. Долгих «Штурм Катун-Зан» («Смена» № 1).

СЕРГЕЙ АГАПОВ

Москва.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

РАССКАЗЫ

С. Крупицкий. — Испытание

И. Петерсен. — В подполье

СТИХИ

Егп. Домастовский. — Брат

Эрик Вайверт. — Прозвон

Борис Лебас. — Чахуча

ОЧЕРКИ, ФЕЛЕТОНЫ

Анастасия Семенова. — В честь десятилетия

1	Хеленский. — Сен	25	А. Аляковский. — Искусство ходить	27
2	А. Владимиров. — Счастье быть мо-		я пропозителем	28
3	Сергей Третьяков. — Страна контра-	13	П. Ипполитов. — Членом Союза	27
4	А. Коробов. — Леги	16	Кино. — «Мы на Кронштаде»	15
5	Нар. артист Республики В. И. Кав-	19	Заметки об интересных книгах	22
6	лов. — Мои первые шаги на		Обсуждение очерка «Облада»	27
7	сцене	21	Переписка читателей «Смены»	2
8	М. Папала. — Телевидение (научный		Календарь «Смены»	30
9	очерк)		Шахматы	30
10	М. Голдберг. — Хаам	26	Советы врача	30
11	Кроссворд	26	Кроссворд	31

На 1-й обложке: Дмитрий Пугачев—молодой казак Северодонецкого округа, награжденный за отличную работу на комбайне орденом Ленина, и его товарищ—молодой казак Василий Борщев из колхоза «Культурная революция». Фото А. Гайкоревича и В. Гребнева. На последней обложке: «В свободный час», фотограф А. Гайкоревича и В. Гребнева.

ДЕЛЕГАТАМ X С'ЕЗДА
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА—

Смена

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
№ 3
Март 1936 г.

— ПЛАМЕННЫЙ
БОЛЬШЕВИСТСКИЙ
ПРИВЕТ!

Фото Б. Иванцова.

Делегаты на X всесоюзный съезд ленинского комсомола: Александр Микров, рабочий, награжденный орденом Ленина за ударную работу на строительстве первой очереди московского метро, и Ольга Яковлева, инженер, награжденная орденом Красной звезды за два года успешного прилежного и изобретательного труда. В середине — старший инженер-конструктор с/х РККА, молодой лейтенант Аркадий Чиняев, сын Василия Ивановича Чапаева.

...Вперед командир и политрук, а за нами — провожающие...

АНАСТАСИЯ СЕМЕНОВА,
специальный корреспондент «Смены»

В ЧЕСТЬ ДЕСЯТОГО

(Из дневника комсорга команды, совершившей лыжный переход
Москва — Тюмень — Тобольск)

1 ЯНВАРЯ

Наконец, настал долгожданный день старта! 9 часов утра. Мы все уже на стадионе. Ровно в 11 часов строем выходим на лыжах на поле стадиона.

Митинг открыл тов. Сидоров (замдиректора Электрокомбината).

На трибуне появляется тов. Осипов (секретарь Сталинского райкома партии). Он передает привет от МК партии и лично от тов. Хрущева. От ЦС Осоавиахима и лично от тов. Эйдемана приветствует нас тов. Вокряцкий. Тов. Шейнрок (из Сталинского райкома

комсомола) говорит, что поход посвящен X съезду комсомола и что мы, комсомолки района, носящего имя великого Сталина, должны с честью выполнить взятые на себя обязательства. После митинга ко мне подошла тов. Осипов и сказала:

— Ну, Настя, знай: 10 человек со старта, 10 человек на финиш!

— Это, товарищ Осипов, — отвечаю я ему. Старт был дан в 11 часов 30 минут.

Чувствую себя хорошо, но как-то не верится, что мы, действительно, тронулись в такой дальний путь.

Родной, любимый товарищ Сталин!

Только что мы узнали, что нас наградили орденом «Знак почета».

Откровенно сказать, товарищ Сталин, мы не думали, что нам воздадут такую честь. Когда мы собирались в поход, нам хотелось испытывать свои силы, узнать, хватит ли сил для любой трудной дороги, которая может случиться в жизни. Сейчас мы уже имеем право сказать: да, сил наших хватит, они испытаны и проверены на протяжении 2 400 километров от Москвы до Тобольска. И мы счастливы заверить Вас, дорогой товарищ Сталин, что эти силы, как и всю нашу жизнь, мы готовы в любую минуту отдать борьбе за дело партии, за дело Ленина—Сталина.

...Дорогой Иосиф Виссарионович! Вернулись мы сейчас на свой Электрокомбинат. Беремся за работу, за учебу. Вашими заботами, товарищ Сталин, советской молодежи открыты широкие пути к знаниям, науке, культуре, технике. Но мы знаем, что сами знания не придут. Их надо взять. Взяли, как говорили Вы, настойчивостью характера и твердостью воли.

...Обещаем Вам, товарищ Сталин, быть достойными дочерьми нашей великой матери — Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

(Из письма работниц московского Электрокомбината им. К.В.Ильинского — участниц лыжного похода Москва — Тобольск)

...Ход очень тяжелый. Идет сильный дождь. 21 километр прошли за 3 часа, но некоторые девочки начинают «ползывать». Подбадривая друг друга, приходим в Люберцы. Тут нас должна ждать машина. Однако машины нет. Идем дальше. Хочется есть, пить... Но ничего, 4 километра недалеко, а там и отдых.

Дошли. Остановились в избе механизаторов, выпили чай, ели хлеб с маслом.

5 ЯНВАРЯ

Вышли со Златовского разъезда. Узнали, что в 7 километрах ahead нас ждут орловолушцы. Это команда комсомоловцев из 5 человек, от

(Продолжение на стр. 6)

Слева направо: Тоня Хаританова, Тамара Долгалева, Маруся Хорошуткина, Катя Захаренкова, Зоя Пономарева, Клавя Пышкова, Тоня Каширкина, Зоя Новикова, Настя Семенова и командир команды Георгий Спиридонов.

привалившие в линейный период из Оростова и Комсомольца на Амуре.

Кто раньше придет в Муром: мы или они? Решали подвывать. На всех разбегах спрашивали по телефону, где они.

— Придем первыми в Муром — от меня торт, — обещал лезть командир Георгий.

Несколько часов нам напряжено.

Нас догонит пассажирский поезд, на котором мчится Герман. На станции узнаем от него, что оростовцы отстали от нас на 20 километров.

На предусмотренной в Битумлядах остановке задерживаемся ненадолго. Не отдадим, только закутимся — и скорее, скорее вперед!

— Девчат вообще догнать не удастся, а ребята, знаешь, как себя ведут? — кричат на нас Гегорий. Но он напрасно нас подзадоривал: леточку финиша в Муроме мы разогнали вперед, придя на 2½ часа раньше намеченного срока.

11 ЯВЕРЯ

Вчера мы поехали на станцию Пильна. Отсюда наш путь лежал на станцию Бувария, до нее 78 километров.

По дороге встретилась тора, заросшая кустарником. Внизу — огромный овраг. Надо спускаться. Присел на пенек, лезть вниз, как в крошечку. Смех, шутки. Мысли, же обалденно, как, натисся лезя кубарем.

Прошли до станции Шумутла, т. е. 40 километров. Шумутла — это уже Чувашская область. Тут обда — две отсечки.

Уже темно. В бугорке пригнелись, трогаться в путь как-то не хочется, но надо выплынуть сугубое задание. Присели еще 38 километров.

Вста на ноги, быстро стреляем лезть. Идет! Каждый километр прибавляем как не цени. Мы следили слово, данное комсомолу!

За станцией начинается лес. Ити на лезть по лесу немалая трудность. Пробуем лезть по линии железной дороги — тоже неважно: линия ошла комсомол. «Синте лезли!» — раздается команда.

Самый востер разогнать облака. Появляются алу. Ити стало ясно, светлее.

Наконец, можно встать на ноги. Идем яло. Хочется спать. Шум перелуд заставлял нас «протиснуться» до того комсомол. Ити Бувария выжили на линии, как выжили.

Итак, нами пройден 81 километр!

12 ЯВЕРЯ

Вышли в 7 часов утра из посела Турейма. Настроение приподнятое: через 68 километров — Кавань!

Герман сообщил, что в Кавани встречать нас прислали Нуму Сачуар (секретаря комсомольского комитета Электромобильная) и Воробьева (арх.). Кроме того в Кавани нас ожидает порт, заработанный у Георгия за победу под Муромом.

Метель, пурга. Пришлось закрывать лица. Использовали все, что оказалось в рюкзаках: полотенца, майки, бинты...

Чувство легкости, боля в лодной ноге: она неиную опухла. Но вперед! Кавань, встреча с Наумом, новости из Москвы, так что и нога и пурга выносятся!

Соперники, конечно, прошли 37 километров. Станция Зеленое озеро. Ожид. Час отъезда. Разулась: опухла увеличилась, но впергит милое, дотасули оставались 30 километров.

Начинаем лезть, до Кавани 15 километров. Боля в лодной нежности, начинаю сбавлять темп.

Девочки замечают. Досадно! Ах, как досадно! Поставили меня на 10 минут вперед. Теперь я лоду второй и от меня зависит скорость движения всей группы.

— Молодцы, Настя! — кричат девочки, — ты даже прекрасней, чем я! — кричат девочки.

Чувство, что темп далеко не прекрасный, старюсь изо всех сил.

— Настя, не спиши, мы не замерзли, — кричат еще кто-то.

А вот нас уже и встречают! Девочки встретились, чувствуя и в себе приливы энергии, но лоду тугую...

Подошла к окрестности города. Мостовые сильно раскисли. Управлять лезнями все труднее...

— Георгий, синием лези, — предлажу я.

Он измучился, но соглашается.

По городу надо пройти километра четыре. Идем медленно. Так мне легче. Подходим к

площади Свободы — колонию красноармейцев, толпой яроу.

Налево — выехали под звуки марша на площадь.

Нас обступают, быстро снимают с нас рюкзаки и накладывают на плечи шинели.

Небольшой митинг... Затем нас усаживают в машину и привозят в гостиницу, лучшую в Кавани.

Получили именные торты от Наума. Все в восторге. На моем торте, на покладной лодке, записи белым кремом: «А. Семеновой». Получила привет от Лукьянова и Васильевой.

15 ЯВЕРЯ

Нас выхолдит лень. Встаем в 9 часов. В 11 часов были на приеме у члена ЦИК Татарии тов. Филиппова. Нас очень внимательно выслушали, интересовались всеми подробностями похода.

Тов. Гаврилов позвонила нас к жизнью Татарстану. Советская власть сумела переносить забитое, темное население в смелые и культурные строительные социализма. В области было всего 13% грамотных. Теперь получают всеобщее обучение. Строится много новых фабрик, заводов.

Мы задавали много вопросов о крестьянстве, о женщине-татарке, просили конкретно назвать имена выдающихся людей. Имя, я не записала.

Направляемся к врачу. Наши сердца и легкие работают отлично. Все потеряли в весе от 2 до 4 килограммов. Все, кроме Вали: она, ко несободу дилемации, осталась в прежнем весе!

Теперь наши сердца можно показывать любому профессору, — смеется тов. Воробьев.

Вечером в Доме Красной армии был торжественный вечер, посвященный нашему походу.

Дом Наумов подробно рассказал о том, как прошла комсомольская конференция на комбинате. Сам он очень доволен. Действительно, судя по его рассказу, так на заводе конференции еще нигде не проводили...

Должны спать. Разоудав, ностомом, лезни — в боевой готовности. Опухла моя пролаза.

16 ЯВЕРЯ

Ночевали на станции Савжеск. Надо пройти до станции Отрава 60 километров.

На улице такая пурга, что пришлось опять «электризовать» чулки и штаны и прикрыть лиц.

Ну и красивые же места мы проходим! Идем по высокой насыпи, внизу сломан бой. Едва покрыты пушистым, свежим снегом (вчера только выпал), но нам видны только их макушки. Сразу это положе на своеобразный, очень красивый вид.

Ночевали на станции Савжеск. Надо пройти до станции Отрава 60 километров.

На улице такая пурга, что пришлось опять «электризовать» чулки и штаны и прикрыть лиц.

Ну и красивые же места мы проходим! Идем по высокой насыпи, внизу сломан бой. Едва покрыты пушистым, свежим снегом (вчера только выпал), но нам видны только их макушки. Сразу это положе на своеобразный, очень красивый вид.

Ночевали на станции Савжеск. Надо пройти до станции Отрава 60 километров.

На улице такая пурга, что пришлось опять «электризовать» чулки и штаны и прикрыть лиц.

Ну и красивые же места мы проходим! Идем по высокой насыпи, внизу сломан бой. Едва покрыты пушистым, свежим снегом (вчера только выпал), но нам видны только их макушки. Сразу это положе на своеобразный, очень красивый вид.

Ночевали на станции Савжеск. Надо пройти до станции Отрава 60 километров.

На улице такая пурга, что пришлось опять «электризовать» чулки и штаны и прикрыть лиц.

Ну и красивые же места мы проходим! Идем по высокой насыпи, внизу сломан бой. Едва покрыты пушистым, свежим снегом (вчера только выпал), но нам видны только их макушки. Сразу это положе на своеобразный, очень красивый вид.

Ночевали на станции Савжеск. Надо пройти до станции Отрава 60 километров.

На улице такая пурга, что пришлось опять «электризовать» чулки и штаны и прикрыть лиц.

Ну и красивые же места мы проходим! Идем по высокой насыпи, внизу сломан бой. Едва покрыты пушистым, свежим снегом (вчера только выпал), но нам видны только их макушки. Сразу это положе на своеобразный, очень красивый вид.

Ночевали на станции Савжеск. Надо пройти до станции Отрава 60 километров.

На улице такая пурга, что пришлось опять «электризовать» чулки и штаны и прикрыть лиц.

Ну и красивые же места мы проходим! Идем по высокой насыпи, внизу сломан бой. Едва покрыты пушистым, свежим снегом (вчера только выпал), но нам видны только их макушки. Сразу это положе на своеобразный, очень красивый вид.

Ночевали на станции Савжеск. Надо пройти до станции Отрава 60 километров.

На улице такая пурга, что пришлось опять «электризовать» чулки и штаны и прикрыть лиц.

Железная дорога постепенно спускается. Идеи как бы по удаче: по сторонам огромные откосы, на них лес.

Вдуг стоаб, на нем дощечка — 1050 километров.

Ура! Полночь пути пройден! Ити сделать пометку на стоабе, но нечем: ничего нет под руками.

Зато есть «ейла!» Тамара, наш «опитный» фотограф, фиксирует нас на лезние...

Ити большая станция Отрава. Нас выжили встретили комсомольцы-социалисты. К концу похода построим. Играть оркестр. Собралось много людей.

Настурку бежит Герман: «Что лоду в пути? — Все в порядке».

Тут мы услышали протяжные, завывающие гудки. Это 6 часов 50 минут. В эти минуты в 1924 году мы потеряли нашего любимого вождя. Все астам, покинут покой тишины.

18 ФЕВРАЛЯ

Ити, сегодня последний период. Все мы чувствуем огромный прилив радости и бодрости. Ночи сами собой двигаются быстрее-быстрее, так, что жеман командиров, участникам прошлого периода, приходится напрягаться.

Они встали на ст. станции Покевской и сопроводили теплов. до Тюмени.

17-й раз езд — до Тюмени 30 километров. Вперед! Вперед! Хотелось лететь по воздуху.

Около станции Подем замечено, что на нас идет самолет. Астичи, похолодильнику на мурьян, вынуждены из кабин. Вдуг что-то отделилось от самолета и через секунду в воздухе развзвенуа итилка и упала в лес.

Самолет упалю несесса в лес, итидем выжила. На станции Подем нас встречает командант Свердловского тов. Гавлина. Кроме того нас встретили полевая рация и представители из «Самына».

Тут же передаем по радио привет в Тюмень. До Тюмени теперь 20 километров. Вперед! Минуту через 15 нас обгоняет рация. Показываются вагоны пассажирского поезда из Тюмени.

Опыт пролетел самолет и сбросил лозунг. Подошли к 18-му раз езд.

Встретили железнодорожников. Они уже успели выжидать лозунг с лезиной домна.

Закусываем. На столе несколько самозавар, мясо, хлеб. Едим с аппетитом.

Вдуг дерз отрываться и влудит местные власти. Скорее лези, торопится тов. Зыбин и председатель комиссии по встрече тов. «Удов. Обсуждаемся приветствиями. Они прислали целую группу военных прижиков с мясом.

Около самой Тюмени нас встречают большая группа американи и двое немцев.

Останавливаемся. Один из военных представляет:

— Непочин Михаилосов.

Говорит почин, разпоругет Георгий, — переход закончен благополучно, пришла на 4 дня раньше намеченного срока.

У самого города строятся ряды красноармейцев. Подошли. Гавин, командир. Бойцы встречают нас громовым «Ура».

И вдуг, поправляя и оркестр и крики, выжила артиллерийский салют. Смотрим назриво: там батареи, на вышке вырываются столбы огня.

Командир поднимает руку, крикнул: «Огонь!» И опять грозыт и огонь.

Под марш, крича «Ура» и ужиные пушек воина в Тюмень.

Улица загромождена народом. Для нас оставан узкий коридор. Проходим. Нам машут руками, улыбаются, так что кричат.

Вступаем на стальной ровик в 5 часов вечера по московскому времени, идям лезиной. Зыбин и Короткий митинг. Нас приветствует председатель горсовета. С ответом выступал Тамара Давыдова. Она очень хорошо выразила то, что чувствовалась я, да чинерное, и все девчонки. Вот примерно ее речь:

— Сегодня мы полны счастья и огромной радости потому, что свое слово, данное ленинскому комсомолу, словили и завоевали право на трибуны. С «езда комсомол разпоругает партия, любимому Сталину и всей стране о наших успехах. И мы даем слово товарищу Сталину и любимому народу, мыжила Советскому союзу товарищу Ворошилову, что мы не только сумеем победить пространства, но, если потребуется, сумеем разгромить врага.

Неожиданное «приветствие» (карикатура из походной стенограммы)

Центральный комитет ленинского комсомола посетила группа бойцов и командиров Дальневосточной краснознаменной погранкрасной НКВД. Их приняли секретари ЦК. Пограничники рассказывали о своей боевой службе. Младший командир авиации Кебеков и лейтенант Влоч — оба с заветными именами героев погибшего Василия Котельникова — подробно рассказывали о том, как пограничники дали отпор японским маньчжурским провокаторам, нарушившим границу 12 октября прошлого года. На снимке: в первом ряду (слева направо) — гг. лейтенант Влоч, Косарев, Салатов, Бершков; во втором ряду — гг. майор Варивода, Файнберг, капитан Губин, Васильев.

Б Р А Т

Стихи ЕВГ. ДОЛМАТОВСКОГО

В небесах проступает проседь,
Возвестия наступные дня,
На заставу бойца приносит
И ведут под уздцы коня.

Ляжет нарень не дома, в клубе,
Неудобно ему на столе.

Был дессорбум, —
Был шахтером он,
Как травой вырастает на земле?

Смотрит глаза его сашком прино,
Белый лоб его сашком чист.
И, выстукивая телеграмму,
Задыхается телеграфист.

Две строки этой вести зловещей
Получает меньшей браток,
В узелок собирает вещи,
Покупает билет на восток.

Полустанок тасканый. Встреча.
Пограничники все молчат,
Только руки кладут на плечи,
Только слышно сердца стучат.

Конь идет и конится в страхе.
Старой сабля сверкает металлом.
(Поминишь, в детстве носил рубахи,
Из которых брат вмирастал?)

Друг из Харькова, из Ленинграда!
Если я упаду в беду,
Будь моим нареченным братом
И винтовку возьми мою.

ИСПЫТАНИЕ

Рассказ С. КРУШИНСКОГО, рисунки И. ГРИНШТЕЙНА

На станции Павел Райгойша подошел к буфетной стойке, справившись с ротомку водки, постукал пальцем по дощечке и, нозля сморщенный кружочек колбасы, молодцевато поглядывая сторонам, как бы говоря: «А почему мне и не потешить свою стариковскую душу?»

За окнами заспала тормозами подомкнутый поезд, и Райгойша поспешил на поррон, на ходу разглагольствуя усы.

Из вагонов выходили женщины с покупками, поранничники в фуражках с зелеными олоушниками, колхозники сестрицы с клещатыми портфелями. «Его тот, же тот», — твердила Райгойша, бегая глазами. Наконец, появилась человек с толстым длинным портфелем и чемоданом. «Она», — сразу же решила Райгойша, вялая, как привезший с иеринтальностью нового человека оглаживавший по сторонам.

— Из центра? — спросила Райгойша. — По земельной части?

Привезший взглянул от неохотливости: — Лошадь из «Красной линии»! Значит, телермажа дошла?

Но Райгойша, взяв из рук землемера чемодан, ушел с напавшим видом растакивая толпу.

Подсаживая землемера на тележку, Райгойша пристально вглядываясь в его испитое лицо, которое сначала поддалось ему знакомым. «Нет, так не доводилось видеть», — сказала он про себя, стаскивая с рыжего коня вышитую попоны. Прилично хлопнула лошадь по крупу, он взял погонки и, испортившись боком на граду тележки, бойко шагнула извонком.

Рыжий жеребец оторопело присел на задние ноги и с места пошел априорно, бкая селенской кой.

— Но, но! Шах! — гаркнула Райгойша, передевая ножки.

Жеребец перешел в рысь. Приняв натянутые вожжи чотой, Павел стал раскручивать вышитый истат.

Землемер сидел, свесив ноги и склонясь грубо к коленям.

— Звонкий край был бы больше годоский! Не доводилось самшато? — степенно пристыла Райгойша.

— Не доводилось, а что?

Ай, богато жиял, — продолжал кучер оживляясь. — Вот, к примеру, хотя бы те господа, где наш колхоз. Какое было богатство, какие кони!

Райгойша кинула на жеребеда.

— Его вот мать ходила в корню. Заверь — до чего была реала. На праздники звали паломовой оркестр. 30 играют. 30 отдылают. Ай-ай-ай! А какие были кучишны! — старая прижималась губами, точно и домные у него сапожки текли.

Дорога была пустыня. Лишь изредка встречались пешеходы, с сороскоточенными лицами шагающие по обочинам дорог, между деревьев. Некоторые прикуривали у Райгойши и к слову спрашивали, кого он везет и откуда, а двое или трое проверили у пассажира документы: жилища обзавелись грамоты — вост подползательности.

Райгойша тем временем разглядела новую трубку и, поглаживая нос усы, возобновляла расказ:

— А то, бывало, едет старый пан. Хай с него глазами падают — давай лошадей на станцию! Самая на коней хлодеет с факелами, и

ай, что было! Пока доскачешь, — колеса к асфальту припекаются!

— Все-таки вспоминается старое! — сказала землемер, видя, что старик ждет, чтобы он подала голос.

— Господи, а как же! Вы простите меня, старина, не знаю, как ваша фамилия...

— Еремес.

— Вы меня простите, товарищ Еремес, мне на старое облизаться не приходится. Не кулак я, нет, вы не думайте. Кучер и — кучер. Но я от господ повила и хорошею. Вот я был везу, и палирской меня не угостите, потому что вы сами против господ бедный человек. А у них была капита. На другого угодили — он тебе серебряный целковый на чай. Вот как!

Так разговаривая, они прослали сумеречный сосновы бор и оказались на светлой поляне. Впереди открылась узкая, продавленная тучами, огнистая полоска заката, позадавшие черны дубов и под дубами — барский замок, весь синий, весь как бы отлитый изво лака, с колоннами, обшитыми паллетом, уже почерненным от холода. Между тем путника приближался к другому старому замку, стоявшему по эту сторону лесной пади.

Замки эти были и покоями друг на друга и в то же время совершенно разными. Ближний замок стоил как бы не на своем месте. Словная башня возмущалась рядом с ним, заслоная балок. Парк был отнесен кирпичными постройками, отчего самый замок наизине виднущийся изред.

Видно было, что окружающее здесь не принадлежало было к замку, как за лесистой пади, а жило и росло самостоятельным.

— Граница? — воскликнула землемеристка.

— Оне и буде граница, — подтвердил возчик, всегда в торжественные минуты переходящий

усталости как не бывало, правая рука в кармане — истаяв заглядом по сторонам. И тут же вдруг потупился и тизю, но вякнуто, не ослабевая правой рукой, проговорил:

— Побейши доносит?

— На вас? Боже ж мой!

Пассажир еще раз метнул взглядом и, снова приняв усталый вид, медлительно взобрался на граду.

— Что ж, попарявай сбрую.

Райгойша непослушными напавыми попаривала плело на запотевшем жеребе и, отжалсясь, с трудом забрался на тележку.

Он смотрел на берина с удивлением и лаской, как смотрят близкие на человека, терзавшего тяжелую болезнью. Теперь вот Райгойша не узнал бы павича Вадислава. Но минуто назад, когда тот все устремился к этому удивительному торжеству, в аине его показало что-то вальное, потомстивное, отвоское, и Райгойша даже не подумала о том, что может ошибиться.

Не глядя на кучера, как бы самому себе, очень торжественно пассажир заговорил:

— Не забывай старика друга? Хвала. Я тебя узнаю сразу. Вот что, Павел, если бы видел — скажи. Крутом лес. Ты меня не видел — я тебя не видел. Потом пошло будет... — Семестру вышему я доказал свою преданность, — отныне Павел Гореч обрел прозвучала в его голосе столь неподдельно, что седого торжественно проговорил:

— Ладно, ладно, зана. Спасибо. Ну, все. Я землемер Еремес, помни это. Как и зачем — рассказку посам. Можешь верить, что из тебе, ни другим таким заа не сделаю. Это ваша контора?

И ажелемер умолк, продолжая с утомленным видом рассматривать стол обаяниями правую сапоту.

Пона Павла распрятал лошадя и задала ей корму, перед ее мысленным взором прошла вся жизнь.

Подростком его отдала на кучерские курсы в Варшаву. Кучерское искусство учить ему легко. Во время гонок на кривой дорожке он так наладывал след на след, что невозможно было сказать, сколько раз он проехал. При этом у него были замечательные огненноренные выпитые чсы. Осмотрев его со всех сторон, Тадеуш Виентьевич заметил:

— Варшава — это Европа. Капиче усел! Тадеуш и кучер укоряют усы. Я видел кучера, который шевелел усами. Закажу тебе сиюю ливро!

И Райгойша отвечал с покаянием: — Благодарю ясновельможного за ласку.

Как многие предание слуги Павла Райгойша в особенности привязался к молодому барчуку. В свободные часы он таскал Вадика на затылок или таскал по каретнику, посажен на козлы перекорки. Вадик был живой и ласковый, зато непомерно избалованный мальчик. Между ними установились уже настоящие дружба, когда однажды Тадеуш Виентьевич вызвал Павла к себе в кабинет и сказал:

— Мой сын слишком привязан к тебе. Мне и барнне это не нравится.

Кучер молча наклонил голову в знак повиновения.

Землемер сидел, склонясь грубо к коленям.

на укранный язык. — Треба поправить сбрую, но в нас строгое руководство.

Он остановил лошадь и спрыгнул на землю, бросив при этом взгляд на окликившего лица землемера.

— Господи! Барин! — воскликнула Райгойша торжественно. Голос его не выражал ни радости, ни испуга, но лишь безразличное удивление.

— Боже ж мой, який вы стали! Ой, який! Седок соскочил на землю, шатнувшись, старуку и — весь подбраний, готовый ко всему,

(Продолжение на стр. 19)

Борис Лебедев

НАЧЕКУ!

О том, что еще не кончились войны,
В кустарниках ветер гудит,
И старые сосны шумят бесноводно:

Глади, пограничники, глади!
Рыщет ли буря над твоей головой,
Плывет ли жара в шпалы,
Ты стоишь, ты лавашки лежишь за

тобой

Страна молодая, как ты.

И пусть ее сажишь, и день ее светил,
И радость или ее,
И много друзей у нее на планете,
И много врагов у нее.

Кладутся и границей ее на разведку
Шпионы, лазутчики и глади...
Вот широк раздался... вот дружили

ветка...

Глади, пограничники, глади!

Пришло время, и Вадеева отдала в гимназию.

На занятиях он привлек к французскому и одноклассниками-горожанам. Дети устроили на веранде библиотеку и аптечку и под руководством французинки стали по запискам принимать участие в занятиях. Это были и девочки, в основном — хилые и слабые. Отец Вадеева был либерал и земец, хотя и считал темноту и некультурность природных сил — свойственны русским крестьянам.

Внукам врасплох дочь Павла Рагойша. Соросотреще все лучшее чувство свое за барьер. Рагойша недолюбливала Олю, которая к тому же была хилая и нездоровая. Она росла упрямой зреловидом. Да это и понятно: было ей столько лет, столько только общество своей матери, а эта сероголовая женщина отяжелась железным характером. Пытался лежать в постели, искушенная чашоткой до того, что руки не могла поднять. Ахурился же ждал ни сочувствия, ни утешения. Напротив, она постоянно прогоняла Павла из дому несмотря на его свою любовь к нему.

— Иди лучше на господскую кухню, может, придется угождать там. Но даст, накормит леги, будешь Олю учить.

Она лишь поспешно поставила свою розочку изголовьем к окну, чтобы слышать за дочкой, которая бегала по парку. Господские дети часто обижали Олю. Она была неуклюжа, в слезах, но едва услышала слезы, снова бежала в замок. Она любила чистоту и блеск барского дома. Один уже бейлй передвигался с красным крестом на груди даже ее составлял.

Однажды, когда французинка отлучалась, юные ласкары решили «сметать» свою санитарку. Сначала они ковырялись платочками в ушах у нее и во рту, потом, — так она ни отбивалась, — ахали ей завои-то жалостливо. Уши разболелись от этого, и в них зашумела Оля от злобы. С этих пор девочка совсем ослепла. Она росла так одиноко, что постепенно вовсе отключилась говорить, и так как с ней обижались жеманщи, она тоже стала отвечать с помощью рук и мускулов лица.

Аннушка вскоре умерла. Последняя ее воля была выпрадена детям, обращенными к Павлу словами: «Люби Олю».

Нельзя сказать, чтобы Павел полюбил ее, но современно он принял и держал настояло, что, отлучался, скучал по ней.

Одно оторвало его: Оля ненавидела Вадеева. Подкараулила его в парке, она повергла его на землю и царапала ему лицо. Как все глумились, она ждала соросотрещи кинжаль: много размышляла, и, верно, ее же мысли были направлены против Вадеева.

Рагойша же продолжала любить барышку даже после того, как тот шестнадцатилетним юношей навсегда уехал в Петербург.

«Ах, какой это добрый мальчик!», — шептала Павел теперь, но прошептала плакаты лет, придавленная лесенкой в колоте падает, хрусткое сею, к которому уже тянулись ахмившая морда жеребца.

— Шам! — злобно прикрикнул он нежиданно злым хмуром басом и пошел на конюшню призывающая: «Ах, какой добрый мальчик...» Но воспоминания не придали ему твердости духа. Напротив, он расстраивал в нем какое-то смутное, но темное чувство, которое на подавленную обиду.

Он и жила все в той же избе, где он родился и где умерла Аннушка.

В красный полонине на самом виду стоял высокий горбатый сулук, над ним висело старинного образца ружье, а еще выше — данно отстоявшиеся «холодки». Салса, за ней, а глубине конюшни, узкая железная кроватка с железными изголовьями и без постели, накрытая одним лишь вышитым покрывалом. У печки висела лампа. На стенах развешены были различные холостяцкие покровы: все комманды были, как будто свежая и очень чистая: видно было, что за порядком следит заботливый женский глаз.

Теперь, когда Павел Рагойша пришел из конюшни, на узкой кровати уже сидел Аниский. Присутствие постороннего было в порядке ве-

щей. Редкий день у Рагойши не останавливался прислужник.

Аниский встал навстречу Павлу, обнял его за плечи и, хотя было несколько ниже роста, поделовало покровительственно в аниску.

— Побойся я, Павел! — быстро проговорил он, снова отступая к кровати. — К тебе никто не зайдет.

Он задал лампу. Счетные тени заволокли по стенам.

Павел сказал, что он заложил двери.

— Побойся, брат Павел! — продолжал Аниский с жалким-откровенным надменом. — Я давно понадеялся на свои силы. Да, да, по обыкновенно и переоснова свои силы. Ах, Павел, как жалко они все на меня смотрят... Помоги мне, Павел, родной, помоги!

— Советуй нашему я прямик слышнеть, — отмахивая Павел.

Аниский смотрел на него немигающими кари глазами, в которых кучер не увидел ни усталости, ни жалбы.

— Верю, верю, тебе я могу верить. Да что ты стоишь? Это уж не так и суету. Ты бы лоту раскрасил, как жевешь, что за это время перекаш...

Павел посмотрел на собеседника, на его измученное, с запятыми глазами лицо и несколько посконичал.

— Ой, какой же вы стали! Жну, благодаря вашей милости, никак, всё есть, — начал Павел, но спохватываясь, что милость Аниского тут была не при чем и раскраса о хорошей жизни вышла бы даже как-то не к месту. — Да мы что, — свернул он, — мы ничего такого не знаем. Идем и живем, как черви. Да что же это я, старый, болязнь, тогда сам-самовар поставлю. Дочка-то у меня на МТФ, на молочно-товарной ферме, значит, к теламтам перекаш...

Аниский удержал Павла за рукав.

— Как-нибудь после пошем, — он задыхался. — Теперь давай о деле говорить. Меня ни о чем не расстраивай... Все эти годы жили, как на Голгофе. Теперь уходи. Хотел провратить в таком состоянии парк: не знаю же это продерзист... Ну, и главное, сама знаешь, а это для меня больно. Но я не могу уйти с пустыми руками. У меня есть честь и есть совесть. Ты поминишь тут ваз, на Крутом озере?

— Господи!..

— Так вот, если хочешь меня спасти, пойдй к этому вазу и принеси то, что найдешь в результате. Я бы пошел сам, но это слишком рискованно.

Они подыались.

— Извольте отдохнуть? — робко проговорил Павел. — Я постояло моментом.

Аниский сделал нетерпеливый жест рукой и, проводя его до угла печи, жестко, как давеча у тесляки, сказал:

— Теперь, если мне свалить, — не сдобровать тебе. — И, как бы малая сминчить грубость этих слов, дружески добавил:

— А постен не нужно. Там уж отбояз, если суждено. — Он взглянул и еще раз взглянул старого кучера.

В продолжение всего разговора с Аниским Рагойша испытывала связывающую немолчаливую и какую-то даже виноватость, так что он очень смутно представлял себе дело, в которое бы вступил. С приемом покровительственного сауги он думал лишь о том, как бы это не обогранили в неблагоприятности.

Но теперь, выйдя из дому, он задумался. В сущности, он взял на себя очень рискованное поручение. А что если здесь обнаружат его отсутствие? Например, председатель по своему обыкновенно может зайти к нему домой разуваться, как он на станции ухаживал за жеребцом и совершенно ли перестал рыжий хромать. Откуда предположить, что он не извинился Рагойши и там не будет. Невольно возникнет подозрение... А пахнет отнюдь, верно, не из тех пахоток, какие пересматриваются по почте. Тут Рагойше поспылились шуршащие пальмисты, и он остановился в знакомом опенании.

«Завтра, повяжется председателю, — решил он, — чтобы меня не искали». Он свернул в сторону, вышла на саване одна председателю изб и, не постучавшись, открыла дверь.

У председателя сидел командир-пограничник. С испугу Рагойша чуть не залюнула поухотриву. Вперед. Но он вовремя сообразил, что это было бы совсем уж неслучаю. Он снул шапку и переступил порог. Ему показало, что командир смотрит на него ожаждно, и он сказал:

— Что, нам я тебе, Дмитрий Петрович, должен?

Он сказал это совершенно обычным своим шутливым тоном и сам удивился, как это у него легко получалось.

— А ты что же, забавля — отвел командир в том же тоне, что и Рагойша.

— Аа! — протянул Павел с искренним облегчением. — Этим я боюсь...

И Рагойша повела шутливый разговор, отвечая собеседнику вовремя и так, как должно, точно ничего не случалось. Но это было только не он, и, конечно, Рагойша. Сам он, Рагойша, с удивлением следил за Рагойши-то-ну-румом.

Присел на корточки, со вкусом, как истый сказочник, он говорил:

— Один раз, — это, конечно, не сейчас было — папаша с синей... А по дороге застал господина. Подымает меня в проластик. «Слава, говорит, пастушок, покани нам свою мудрость, чтобы нам кунить, чтобы, досыта напешись, оставишь продать за ту же цену? — А обиды нашей, говорю, не будет? — Нет. — Так покосил ты вы в деревню, там один мужичок уже зарекался, светует. Вы требую кунить, то, что в ней, сунуть, а кинишь он продрогнет».

— А апок ты — отгнетя другой Рагойша, не скажешь? — Про господ рассказывай было как раз вполю. И командир хорошо смеется: наверное, ничего они знать не знают и думать не думают.

— Как тыи гостя? — спросил председатель. Не спит еще?

— А я за ним не бывало тяжко, — отвел Рагойша неторопливо, но и без промаления. — У меня, как на гостинном дворе, они не переводятся.

Последние минут десять и окончательно убедившись, что командир держит себя совершенно естественно и о замелке, видно, ничего плохого не думает, Павел стал процождать.

Рагойша замалала будто бы молчу, но как только она председателю избой потеряла по алеме, а потом по глубоким колым лесной дороге, по направлению к озеру.

После разговора с командиром Павел успокоился: он больше не испытывал страха, но теперь в нем стало подыматься новое какое-то чувство, которое он не мог назвать, но не прожисналось, пока он возмоза в конюшне и за которое заранее ему было немолко предан паником.

«Да зачем тебе влетела посылка к озеру? — спрашивал себя. — Там ты своего господина совсем уже продался с потрохами? И какими же ты глазами будешь смотреть на пограничников, и где ты наберешься совета издороваться с Дмитрием Петровичем?»

Командир пограничничий заставил пользоваться особым расположением Рагойши. Колонизатор относился к Рагойше, бывшему сауге панов Аниский, с подозрительностью. Случайное, что, переводя речку по топиному лугу, хохотав Павел сломал ногу. Рагойшу обвинили во непредвзятости и уже на другой день обсуждали на общем собрании вопрос об исключении его из колхоза.

Тут вот и выручила его командир заставил. Он сказал, что Павел Рагойшу не за что исключать из колхоза. Рагойша, бывшему шаудно нельзя видеть улоу умалса, тем более, что старик предупредил об опасности и не хотел ехать на малыню пока не укренился лед, что нет никаких оснований подозревать за Рагойши предвзятости замалса и что о проломе Рагойша рассказывал большие плохого

чем хорошего, хотя память о барских чашках и обманет его иногда в толпе.

— Если разобораться в его жизни, — сказала командир, в упор глядя на Рагойшу своими глубокими лучистыми глазами, — если вдуматься в его жизнь, то придется сказать, что от господ он выстрадал не меньше, а больше других. Его иногда аскалани, но как? Бездомного щенка так аскалани, чтобы, когда он надеется, взять его за шиворот и выбросить под дождь. Вы спросите Павла Рагойшу: часто ли его швыряли так, а замкнутого кутю, как щенка?

Наволочившийся Рагойша вдруг слезнулся за голову и заплакал обильными старческими слезами.

Он и теперь, вспоминая всю историю, почувствовала теплоту подступивших к горлу слез.

Между тем он вышел на полянку у озера; перед ним была старая, пригнувшаяся к земле, как человек в бешеном беге, ветлая Рагойша, вздохнула и, прицепив пальцами конец рулява, запустила руку в дуло. Дуло было тесное, и рукав выскакивала. Добравшись, пальцами до бумажного шнурка, Рагойша вдруг оторвала руку, точно это была змея, но тут же превозмог свою слабость, осторожно антипал пакет, повертел его в руке и, убедившись при свете вымывшей из-за тучи луны, что на пакете нет никакого адреса, засунула его глубоко за пазуху. Затем он быстро шагнул к колодезю.

Но как он ни спешил, он не мог убежать от своих мыслей. «Да, да, как щенка они меня аскалани, — беззвучно шептала он. — А как же? Так и было.» Против воли он утес с удовольствием вспоминал о пачке. Эка ведь, куда его нежелая занесла! Ездая бы где-нибудь, там, но другим дорогам. Думала, небось, обрадуются ему. Невидаль аскалани!

Павел Рагойша почти бормотал:

Он опомнился уже у дверей своей избенки. А, может быть, все известно уже? Надо посмотреть, ушел ли начальник.

В избе председателя спали — огни там не было.

«Зайду к дочери, — решила Павел, желая оттянуть встречу с Ланским. — Зачем только я бормотал?»

Он спустился под горку, к молочно-голубой ферме.

Там, мимо которых он проходил, галчьею вздохами, пересыравшая пищу. Парной их запах действовал успокаивающе.

В дежурной комнате было чисто, на стене висели омытые вышивки. Едва отограв голову

от подушки, курчава-охлажденная аскаланилась звонким хохотом.

— Ты что? — с трудом пролетела она. — Ты что, д... др... драться, что ли, пришел? Ты что ру-ру-ка-то засучил?

— Да замолчи ты, чертов погромлей! — поморщился Рагойша, спуская рукава. — Она гдеть — добавляла он строго.

— А вы разминутесь. Только вышла. А вы же не бейте, дулшина, не бейте! — аскаланила она всел, давнись хохотом.

Выйдя с фермы, Павел долго стоял в раздумье.

На небо висели малкие, осенние звезды. Было тихо, смешившись паале листья источали тончайший аромат. Странно было думать, что там воп, в этом черном лесном долу, проглотит граница, что в этой тишине бодрствуют часовые.

«Зачем же я искал Оло? — вспоминал он. — Как, жуежал за этим?» Он даже и в мыслях своих не сказал — зачем именно за «этим». «Это представлялось еще очень смутно, но у него закололось сердце. «Ну и что же!» — ответил он на свой испуг. — Кто он мне? Зачем он сюда шел? Скоро померу. Хотя люди, может быть, вспомнят добрым словом.»

И он быстро побежал в гору, зная уже, что ему делать. Он пошел Оло на заставу. Да, да, он пошел же на заставу, а сам тем временем задрожал шпиона разговорами. Он даже может ему сказать, что потерял дорогой пакет, и пойдет искать.»

Рагойша был уже в сенцах. Дверь оказалась незапертой. Мысль его работала необыкновенно быстро, и теперь его осеняла новая догадка. Он вытиснул из-за пазухи пакет и засунул его в угол, за сирую калку, от которой пахло хвощеной капустой: «Так надежнее!»

Одна кровать была пуста. «Она, должно быть, там», — подумал Павел и прошел на кухню поминую.

Она стояла, наклонившись над Ланским. Ланский спал, положив под затылок согнутую руку. Когда Рагойша вышла из-за пачки, она встрепенулась, поглядывая на него умоляющими глазами и сделав несколько быстрых движений рукой. Схватив — наотмашь правой ладошкой (не подолом, не подхвостом), затем — несколько раз от лица Ланского к своему уху. И, не дав отцу ответить, она вдруг уцепилась пальцами в подбородок и шею Ланского. Еще не проснувшись, Ланский уперся левой рукой в стенку, правой же Оло в лицо, стараясь оторвать ее от себя.

Павел почувствовал облегчение. Все решилось само собой. Не думая больше ни о прошлом, ни о будущем, он с боку подсочился к борющимся и через спинку кровати навалился всем телом на Ланского. Тот повернулся на бок и стал сползать с кровати, высвобождая на обитый кучера свою толую.

— Люди, ругайте! На подмогу! — закричал Рагойша.

Помощь пришла раньше, чем он мог ожидать. Ланский вдруг перестал бороться. Когда же тем подошли начальники пограбавствам и за локти поднял Оло, у которой были изрезаны ножом ладони и кисти рук. (Кроме ножа у Ланского были затем отобраны и револьверы: он, видно, не хотел произносить шуму и потому не стрелял). В дверях стоял председатель колхоза и пограбничник с вытвовой и с двумя огромными, готовыми ринуться в бой овчарками на поводку.

Пограбничники еще на станин встретили шпиона. Его не взяли сразу только потому, что нужен был и важный пакет, доставленный к границе другим диверсентом, который, будучи ранен при перестрелке, умер, не открыв передаточного пункта.

Теперь пакет был получен из рук Павла Рагойши, и начальники пограбавствам радовались этому больше, чем если бы он сам отдал пакет у диверсента. Вернувшись на заставу в свою комнату и снимая сапоги, он нарочно производил шум. Когда жена проснулась, он сказал:

— Ты знаешь, Аля, Рагойшу, кучера на «Красной нивы»?

— Это устайт такой?

— Вот, вот. Так я всегда говорила, что это друг, а не враг.

Помощь пришла раньше, чем он мог ожидать...

В ПОДПОЛЬЕ

Рисунки С. Прусова

Рассказ ЯНА ПЕТЕРСЕНА

В июне 1935 года в Париже происходил конгресс защиты культуры. Среди других ораторов выступил человек в темных очках. Это был представитель испанских писателей, ведущих борьбу с фашизмом и вынужденных скрываться в подполье.

Автор публикуемого нами рассказа — тот самый человек в темных очках. Его зовут Ян Петерсен.

Ян Петерсен берет темой своих произведений жизнь фашистской Германии и подпольную работу компартии.

Вчера я попал в скверное положение.

Поскакал на велосипеде к товарищу в соседний район. Ну надо было получить у него материал о штурмовиках для нашей подпольной газеты. Товарищу с женой ужинали. Они так долго угощали меня, что и я сел с ними. Между прочим, товарищ рассказывал мне, что они организовали ретрансляцию радиочехера. У них несколько групп по пять-шесть человек, которые слушают московские передачи. Ежечасно — немцевый час. Два социал-демократа предоставили для этой цели свои аппараты и квартиры.

Я сказал, что мы не можем организовать радиочехера, потому что у нас почти каждый день налетают штурмовиков. Товарищу пригласил меня на один из вечеров.

Я выехал на час, было уже около одиннадцати. Я привалялся. Так поезде, а я с матерьялом. Выпустил воздух из надутого колеса велосипеда, и сел поспать и намотал материал на камеру. Поскакал.

Была прекрасная летняя ночь. Я повернул в тихую лесную улицу. Велосипед легко катился по цементной дорожке.

По обеим сторонам зеленели деревья. Какие-то горели пестрые огни, издалека доносились звуки мандолин.

Летний воздух обдавал меня теплыми волнами. Как здесь тихо. В центре города. Мир здесь так прекрасен. Поскакал к Кетс за город. Будем купаться, прыгать.

Ноги мои машинально нажимали на педали. На скамейках сидели злобленные парочки. Справа на тротуаре я увидел темную группу людей.

«Когда-нибудь все будет иначе, тогда мы...» — мысли мои оборвались. Вдруг выстрел, другой, третий... Не жевала ли шина? Этого только не хватало! Посмотрел на колеса: все в порядке.

«Бег-бег псс-псс», — прожужжало около моей головы. Темные фигуры побежали за мной по мостовой. Удаться ли уйти? Я услышал: «Стой!», «Остановись!» Остановился, спрыгнул с велосипеда.

Штурмовики. Пять, шесть, семь человек, — сосчитал я. Два штурмовика направили на меня револьверы. «Они стреляли в меня», — подумал я. Я бывал на многих демонстрациях, когда нападала полиция, но сейчас первый раз в жизни в меня стреляли прямо. Я стиснул руль велосипеда: штурмовики не должны заметить, что руки мои дрожат.

— Сразу остановиться не мог, свинья! — заорал один из штурмовиков.

Дула револьвера было все еще направлено на меня. Металл отпала тусклым блеском.

— Я не знал, что вы... меня...

— Когда тебя окликают штурмовики, ты должен немедленно остановиться, свинья!

— Дай ему в морду! — меня ударил в грудь рукояткой револьвера.

— Обмолви его сначала, — резко приказал первый, потом обратился ко мне:

— Положи велосипед. Руки вверх.

Я повиновался. «Положи велосипед». Значит, они не догадываются.

Сердце мое стучало как молоток, что я уже ослепел собой.

Они оцупали мои бриджи. Особенно напущили на колени.

Под покрышками были спрятаны бумаги.

— Выверни карманы.

Вывернул. На улице ни одного человека. Если они меня... А если они меня спросят, где я живу или как я попал сюда?

Мне приказали положить обратно в карман связку ключей, гребенок, два носовых платка. Что другое могли они у меня взять? На мне было только бриджи и спортивная рубашка. «Лучше всего прикинуться испуганным, это нравится им, так они чувствуют свою силу», — подумал я. — Дать в морду они, повидимому, забыли. Но револьверов еще не опускают. Стал ползучим: неужели думаю, что уберу?»

С краю, повидимому, начальник. Да, звезда на петлицах. Начальник звзда.

Меня толкнули в плечо.

— Откуда ты здесь?

— Был у знакомых... на рождении... поздно заехал.

Они молчали. Они ждали команды.

— Убейте! — зарева начальника.

— Когда окликают штурмовики, — должен тотчас же остановиться. Понял?

Да, ответил я.

Начальник, ухмыляясь, посмотрел на остальных. Его взгляд выражал: «Этот молодец сейчас распахнется...» Штурмовики засмеялись.

— Пусть смеются... они узнают меня еще...»

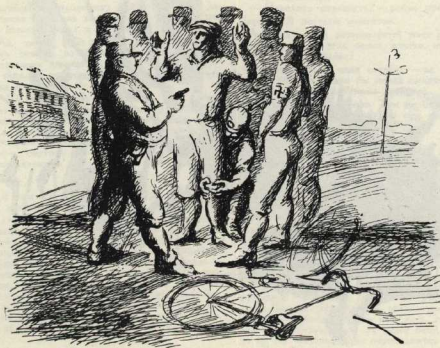
Я стоял молча.

Ну, испугался! — снова заорал начальник. Я поставил велосипед и встал.

«Только не торопиться, спокойней...» они, наконец, смотрят вслед.

Тихо закружила шина по асфальту.

Материал катится, катится...

Оцупали бриджи, особенно напущили на колени.

Перевод с немецкого

М. Зельдович

СЧАСТЬЕ БЫТЬ МОЛОДЫМИ

Статья Л. ВЛАДИМИРОВА

Когда одного американского ученого, доктора Хеллабранда, спросили, что произошло на него наибольшее впечатление в Советском союзе, тот ответил:

— Единство цели, которое сказывалось в поведении людей, с которыми мы сталкивались, возвышенный характер их целей, энтузиазм людей и гордость, которую испытывают люди по поводу своих успехов. Богатство новой жизни, повидимому, в СССР безгранично.

Нам, молодежи, предоставляется счастливая возможность неограниченно пользоваться этими богатствами новой жизни.

В стране социализма нет уголка — от далекой арктической ватки до штурмовых плазутаций и от поста на Амуре до обновленной Хибинской тундры — нет уголка, где бы молодежь не проявила своей сил, своего мужества, своей созидательной энергии.

Радость жизни — вот ощущение, которое свойственно миллионам молодых советских людей.

Гордость своей эпохой — вот чувство, которое закономерно испытывают они.

И не даром молодое поколение нашей страны бесконечно благодарно партии и товарищам Сталину за все то, что сделано для молодежи. Ведь буквально нет ничего в жизни, что было бы недоступно для молодого человека — гражданская СССР: знания, культура, материально обеспеченная жизнь, слава и почет, возможность заниматься любимым делом!

Наша молодежь подчас даже не представляет себе иной жизни, иных условий труда. Молодой человек нашей эпохи вступает в жизнь уверенной поступью. А разве так раньше начинала свою жизнь молодой сил рабочий или молодой крестьянин?

Социальная отверженность, нищета, эксплуатация и бесправие накалдывали печать на его жизнь с самых ранних лет, а труд был безразличным делом, хамством, все его мысли и чувства, ибо звериный закон капитализма диктовал: тот, кто трудится, не знает радости; тот, кто трудится, не знает отдыха... Созидатель ценностей не мог быть потребителем создаваемых ценностей.

Раньше говорили:

— Работа счастья не приносит.

А теперь жизненное счастье приносит именно работа, труд. Чем больше, чем лучше, чем любознее трудится человек, тем больший ему почет, тем лучше ему живется. Такова замечательная особенность нашей социалистической жизни.

На Первом всесоюзном совещании рабочих и работников — сталовиков — товарищ Сталин говорил, указывая на корни сталинского движения: «При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработав больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знать не хочет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и наняли, чтобы ты обогащал эксплуататоров. Ты не согласишься в этом, — ступай в ряды безработных и прозябай, как знаешь... найдем другий, более соразмерный. Поэтому то труд людей не высоко ценится при капитализме. Поэтому, что в таких условиях сталинского движение не может быть массовым. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у себя на родном месте, в своем родном доме, в своем родном обществе. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он герой труда, он овеян славой. Понятно, что только в таких условиях можно зародиться сталинское движение...»

Какой молодой железнородец сталков в буржуазной стране может мечтать о том, что его труд украсит дюжину орденов, полученных

Молодость.

Фотограф Н. Верхутский

ми «лаш» за честный, инициативный труд? Петрам Кривоносам была бы уготовлена иная участь при капитализме! Паша Ангелова, наша прославленная трактористка, говорит:

— Была бы я в старое время бездельной, поремникой батрачкой...

А теперь Паша Ангелова стала трактористкой. Она смогла стать передовым человеком нашей страны только благодаря своей преданности делу, благодаря социалистическому отношению к труду.

Мы находимся на пороге того, что осуществлению коммунистического общества, в котором не будет противоречия между умственным и физическим трудом, в котором человек не будет, говоря словами Маркса, «ограничен исключительно кругом деятельности», а сможет совершенствоваться в любой отрасли труда, знаний и т. д.

Десятый съезд ВЛКСМ будет принимать новую программу Ленинского комсомола. Проект программы ВЛКСМ представляет собой значительный документ нашей эпохи и имеет исключительное значение для комсомола и всей советской молодежи. Проект программы четко формулирует задачи, которые стоят перед комсомолом — как помощником ВКП(б) и ее резервом — в борьбе за коммунизм. Главнейшей, центральной задачей ВЛКСМ является

коммунистическое воспитание молодежи и ее организация вокруг советской власти.

«Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи является массовой беспартийной организацией, примыкающей к ВКП(б), объединяет в своих рядах широчайшие слои трудовой, политически грамотной трудящейся молодежи города и деревни. ВЛКСМ имеет своей задачей помощь коммунистической партии (большевиков) в деле воспитания молодежи и детей в духе коммунизма. Союствуя программе ВКП(б) ВЛКСМ помогает партии большевиков и Советскому правительству в выполнении великой исторической задачи — строительстве коммунистического общества...» (Из проекта программы ВЛКСМ).

Воспитывает молодежь коммунистическим мировоззрением — теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, связывает каждую минуту учения и образования молодежи с практической ее борьбой за создание коммунистического общества, готовит молодое поколение к защите родины от всяких покушений на нее со стороны врагов, выходящих из молодежи кадры большевиков — специалистов по всем отраслям знаний, — таковых задан комсомолом, названных и в проекте новой программы

(Окончание на стр. 14)

Призыв

Стихи для «Смены» немецкого пролетарского поэта
ЭРИХА ВАЙНЕРТА

Эрих Вайнерт.

Эрих Вайнерт — немецкий пролетарский поэт. Юность его прошла на одной из машинстроительных заводов. Здесь завязались его кровные связи с революционным рабочим движением. Вайнерт начал писать стихи с 14 лет. Наибольшее влияние на его творчество оказал великий советский поэт Владимир Маяковский.

До прихода фашистов к власти Вайнерт выступал в рабочих клубах, театрах, на собраниях и митингах с чтением своих важнейших стихов, которые входили в арсенал антифашистских средств германской коммунистической партии. В йенские Вайнерт отнесено две тысячи собраний, на которых он выступал. Когда полицейские власти запретили ему читать, вместо него с чтением революционных произведений выступали его товарищи.

Сейчас Вайнерт, эмигрировавший из фашистской Германии, живет в Москве, где продолжает свою поэтическую работу.

Стихотворение, которое мы печатаем, — одно из последних его произведений. Поэт адресует его от имени немецких комсомольцев немецкой рабочей молодежи.

Их радуют праздники немых побед
Над красными фронтовиками.
Врагами еще мы не сломаемы, нет!
Подняв кулаки, мы стоим пред врагами;

Багряное зарево плащется, как знамя.
Пусть наши знамена пылают в кострах —
Над нами доселе не властвовала страх!

Ты, армия гитлеровской молодежи,
Пока барабаны пламуют, грохоча,
Ты им рукоплещешь в восторженной дрожи,
Пьяна от речей палача.

Неужто и голод тебя не разбудит?
Зачешишь работать — работы не будет!

Работа? — В болоте с лопатой стой!
Свобода? — Найди же свободу в мундире!
— Так будьте, — прикажет мепок золотой, —
Содатями, купленными по дешовке!

Катамины юные! В прошлые дни
Вам рай обещали. Вас ждало ожиданье.
Из тех обещаний, что даю они,
Не выполнено ни одно обещанье.

Вы ждали покоя, но в наши дома
Проникла их бесенная кутерьма;

Пред вами стоит окровавленный идол,
Не крест перед вами. Молитесь мечу!
Разбиты все ваши снытны: вас выдала
Обманщица — ликующему плачу.

Вы, юные! Близок тот горестный час,
Он тронет вас черными крыльями страха.
Поймите тогда, что готовы для нас
Холодный топор и широкая палача.

Так будьте же мужественны! Не оди
Вы будете в эти жестокие дни!

Молитва тогда никому не поможет:
Поможет винтовка.
Идите же к нам!
Пусть юная воля дорогу проложит
К далеким, сияющим в полночь огням.

Идите же в бой, партизаны свободы,
По следу коричневой смерти пройдите!

— Дымится гранитная мгла небосвода,
Знамена пылают огнем!

Erich Weinert

Перевел Арсений Тарковский

СЧАСТЬЕ БЫТЬ МОЛОДЫМИ

(Окончание)

Молодое поколение нашей страны должно быть самым культурным, самым образованным поколением в мире! Бесподобную воину надо обогнуть летомасловым всезнайкам и посылкам, представляющим себе, что быть культурным — это значит прочесть пару популярных книжек, просмотреть два-три джуриски кинофильма и заучить пять хваловых английских выражений. Меньше всего мы хотим, чтобы комсомолцы, молодой рабочий уподоблялся тому нушакскому герою, который мог:

«Коснуться до всего слегка
С ученым видом знатока».

Образом для советской молодежи служат основоположники научного коммунизма — Маркс и Энгельс, обладавшие совершенно исключительными и разнообразными познаниями. Образом и примером является для нас старая большевистская гвардия во главе с Лениным и Сталиным. Примером для молодежи служат образованность и знания выдающихся людей науки и техники. Обладать такими знаниями, как образованный конструктор самолетов инженер А. Н. Туполев, как герой, исследователь Арктики, авиаконструктор О. Ю. Шенгел, как великий ученый И. П. Павлов, — вот о чем надо мечтать!

А к чему скарывать, в комсомольской среде есть еще немало любителей «искусства до

всю легкая с ученым видом знатока». Есть и Митрофанушки в конштурмовских костюмах, считающие, что раз они окончили начальную школу и прочли «Вруски» Панферова, то уже все постигли.

Нам нужна иная культура, основанная на приобретении громадных знаний, на изучении наук не по программам, а по капитальным трудам.

Нам нужна иная культура, и к овладению ею зовут нас Ленин и Сталин, призывает большевистская партия, ибо, только опираясь на научно-революционную теорию пролетариата, коммунистическим мировоззрением и высшими знаниями, мы сможем оправдать почетное звание передовых людей — создателей коммунистического общества.

Путь к приобретению знаний, к овладению высокой культурой для нас открыт, как нигде в мире.

Система советской молодежи состоит в том, что благодаря победе пролетарской революции, благодаря заботам партии нам открыт неограниченный и неограниченный доступ к сокровищам науки, техники, искусства. Фечерные университеты и институты, учеба на курсах, библиотеки и музеи, книги и журналы — тысячи возможностей учиться, совершенствоваться, обогащать себя подлинной культурой! Только учись!

В отличие от молодежи, живущей в капиталистическом мире, наша молодежь не знает духовного прозябанья и духовной кабалы. Ту мам предраскулов, окутывавший ранее быт

молодежи, во многом уже совершенно распустил.

Борьба за окончательную ликвидацию пережитков капитализма в сознании, всех отрицательных качеств и пороков черт поведения, существовавших человеку в буржуазном обществе (гоизм, снобизм, элитизм, распушенность, рвачество), составляет важнейшую задачу идейно-воспитательной и культурной работы комсомола. Здесь нам под руководством партии придется много поработать, культивировать и воспитывать в молодежи новые черты поведения, благородные качества, которые отличают молодое поколение страны социализма.

Высокая идеяность, беззаветная преданность делу партии Ленина—Сталина, готовность пожертвовать всем, даже жизнью, ради счастья и благополучия родины, мужество и большевистская стойкость в борьбе с врагами, честная храбрость и отвага отличают поведение передовой советской молодежи на всех предшествующих этапах социалистической стройки. Эти качества отличают ее поведение и сейчас.

Принет большевистской партией, воспитавшей из нас верных сынов социалистической родины и непоколебимых бойцов за дело Ленина—Сталина!

Принет нашему любимому вождю, родному Сталину, создавшему для нас счастливую, радостную жизнь!

Принет Х съезд ВЛКСМ, открывающему новый героический и славный этап в жизни и деятельности комсомола!

Мы

из Крошитада

ПОЧЕМУ Я ВЗВОЛНОВАН

Письмо читателя

В центральном клубе моряков показывали картину «Мы из Крошитада». Мне удалось побывать на просмотре.

Моряки... В черных бушлатах, в бескозырках. Держатся независимо, а «каучуком» — краснотарейцам, солдатам — относятся с пренебрежением.

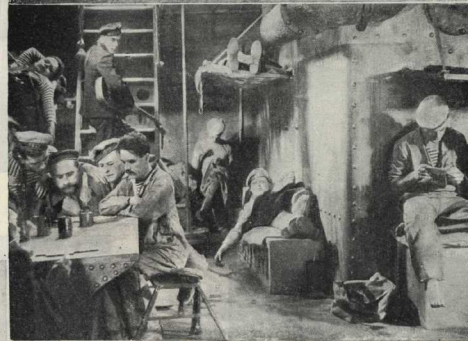
Но вот среди моряков появляется седой человек — посланец партии. Сначала его принимают с недоверием.

— С какого года во флоте? — заносчиво спрашивает его Балашов.

Седой человек (его зовут Мартынов) отвечает спокойно. Да, он штатский. Но он член партии большевиков. Он сидел в тюрьме. Он был приговорен царским правительством к расстрелу, но бежал. И вот Центральный комитет большевиков посылает его сюда, в Крошитад, чтобы организовать матросский отряд для отпора генералу Юденичу.

Замечательно показана в картине сцена записи моряков в отряд. Все идет на фронт: и необузданный Балашов, и мальчик-юнга Маша Гулиненко, и старый матрос-торжанин, и «кашпир»-гитарист Валентин Беспровозанный.

Фронт... Помните, товарищи, как отряд капелланцев в «Чапаеве» шел в «эпистолическую» атаку на красных? Красные не дрогнули перед странной шеренгой: они отбросили ее назад пулеметным огнем и легким авиационным натиском. В картине «Мы из Крошитада» я увидел другую, не менее замечательную сцену: отряд моряков во главе с комиссаром Мартыновым бросается в атаку на белых. В лицо атакующим — пулеметный огонь... Но отряд не знает отступления... Черные бушлаты бегут сквозь клубы порохового дыма.

... Мы наш, мы новый мир построим...

Ура-аа-ааа...

Так захватили меня эта картина, что я чуть со стула не сорвался и чуть тонсе не закричал «Ура»!

И еще несколько раз мне то хотелось кричать «Ура!», то слезы подкатывали к горлу. И никогда не забуду сцены, когда белые сбрасывают с высокой скалы в море связанных моряков, предварительно навесив им на грудь огромные камни. Один, другой, третий моряк летит в морскую пучину. Вот дошла очередь до юнга.

— Ребенка пожалейте! — говорит белому офицеру связанный комиссар.

Но эти звери не пожалели и Машу. Зато и они полетели в эту же пучину, когда красивый десант, приведенный Артемом Балашовым, алдербезги разбил белую банда.

Видно, что и автор сценария тов. Вишняковский, и режиссер Еф. Дзиган, и операторы гг. Наумен-Срэм и Берлинер, и всего коллектив артистов вложил в фильм огромное количество труда. Потому и картина получалась замечательная.

Читатель «Смены»
Гр. МИХАИЛСВ

Ленинград.

На фото: сверху — атака матросским отрядом белых; в середине — в кубрике; внизу — белые пытаются сбросить в море крошитадцев.

2. Восток — жаркие ущелья, пещерничество; примитивное, патристическое ремесло, как вот у этого плетельщика корзин. Запад — высокая техника и такие уники как изображенный здесь рудь величайшего океанского парохода «Нормандия», откованный на заводах Шкода.

Страна Контрастов

фото — галерея
С. Протасовича

3. Уличная продажа жареных каштанов... А рядом универсальный магазин капиталиста Бати — прямоугольный, стеклянный, оборудованный новейшей техникой — беспощадный насос для выкачивания денег из покупателя.

1. А над лесами, этими и реками, несущими плоты к Дунаю, шли самолеты...

Что я встал о Чехословакии перед поездкой в эту страну? Оторопительно маме. Знал, что есть оружейные заводы Шкода и богемское стекло. Туманно представляла себе обаятельного Бати, который почтительно встал за Крейгером в самые грозные годы кризиса. Учитель пения, учитель латинского языка, садовник — вот удивительные наметью типовые фигуры чехов и дореволюционной России.

Я знал о композиторе Сметане, не слыша его произведений, и часто сама «Славянские танцы», не зная, что их автор — чех Дворжак.

Помнил пьесу Карла Чапека о механическом человеке-роботе и странном юнге Ивана Образцова о карликах-разбойниках. И, конечно, знал Швейка.

Но облик первого протестанта Европы, магистр Яна Гуса, сожженного папой на костре, был бескровен и схематичен и памяту до тех пор, пока не побывал я в Праге.

Надо было увидеть доселе по-средневековому чуждые и узкие улочки старой Праги, кипищащие маленькими торговцами, завитые старинные чертоги и палатки, пороховые и предмежные баши, расписные сводами университета, самого старого в Центральной Европе, где Гус был деканом; надо

4. Изнутри словацкой хаты, где жизнь проходит по-предедовски... А с другой стороны — модернист тут рассчитывать дети составляют

было, чтобы скромная железнодорожная станция Табор напоминала своим названием о грозном революционном движении таборитов — бедноты, исшедшей за Гусом обреченной свою крестную не только против короля-иноземца, но и против своих собственных павов. Только тогда Гус и его школа, давшая первый толчок реформации и крестьянским войнам в Западной Европе, встали во весь свой рост.

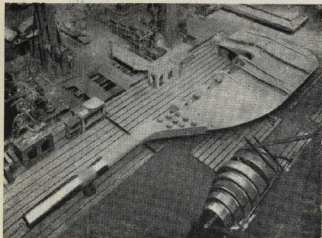
Пребывание в стране было для меня университетским курсом. Из города в город, из улицы в улицу, от человека к человеку и переходил как с факультета на факультет.

Узнавать страну, рассматривая ее в пространстве и времени, было увлекательно.

В торах и балах асюробов Примарпатии и Татры унавивалось то примитивное оружие, которыми полтысячи лет назад революционные табориты разили папу, императора, папю.

А над лесами этими и реками, несущими плоты к Дунаю, шли самолеты — оружие сегодняшней Чехословакии, орудиевой фантастическими соседями и обаятельной жорке стоять на страже своей самостоятельности и дела мира.

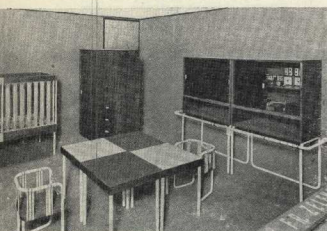
История этой страны была величайшим контрастом. Это возникну страна-перекресток, по которой пролегал дорога различнейших

5. Крестьяне в средневековых уборах около кривой дачи...

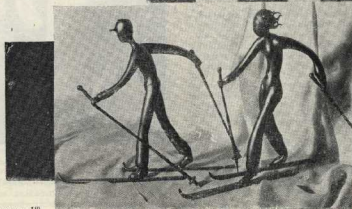

...И роскошные кафе, комфортабельно убранные, превращенные в настоящие храмы еды и беседы...

модернизованная образцовая детская комната, на которую монтированы горюхи.

6. Чурбанообразные фигурки воплощают до сих пор косную, застывшую в бытовой традиции деревню, а стеклянные фигуры ласковых — это произведение рук горожанина, знающего деревню только как место спортивных вылазок.

стра-
сти и
ко-
нине
и
не се-
шаст-
ить на
пра-
и мо-
стока,
ейших

стий, племен и укладов. Здесь проходила берег первобытного теплого моря, от которого остались оазисы леса тропических арауканий. Здесь поработали вулканические силы, на-
поминанием которых до сих пор являются горячие гейзеры всемирноизвестных курортов, как Карлсбад (который так часто в романах своих упоминает Тургенев).

В ледниковый период глетчер, покрывавший Европу, остановился у гор, окаймляющих Чехословакию, и у подножья этого ледника ко-
вал ледяной человек, чей череп лежит в музее города Брно. Здесь откапывают мамон-
тине и носорожьи кости рядом с кремневыми. (Продолжение на стр. 18)

(Окончание)

7. Старый пастух в придунайских степях...

...Его песню подхватывают замечательные чехословацкие политические клоуны Воксовице и Берих. Песенка «Против ветру» — боевая песня единого фронта Чехословакии.

накопленными копиями, которыми человек тех времен убивал этих животных.

Через эту страну шла армиями Римской империи, унылая в ее лесах. Эту страну выгнаты были гунны, двигались на запад. В стенах городов до сих пор сидят ядра времен турецких нашествий. Дворец Баглатиштейна в Праге напоминает о временах оустошающей асо Восточную Европу тридцатилетней войны, когда чехословацкими землями проходили с севера шведские армии.

Но страдание этих шалостей была мучительная, длившаяся триста лет германизация этой страны австрийской династией Габсбургов.

Двести лет чехославы не имели даже собственной азбуки.

Лишь за последние сто лет они вновь возродили свою национальную культуру, достигнув мирового уровня в области музыки и литературы. Вспомните хотя бы «Бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека!

Мы знаем, что в капиталистических странах вообще очень сильны социальные контрасты: роскошь богаты соседствует здесь с необузданностью роскоши.

Но Чехия особенно богата контрастами, потому что в ней перемешаны разные эпохи в жизни народа, различные по национальному характеру.

Взять хотя бы ее запад и восток. Между ними расстояние не только в тысячу километров, но и в несколько веков.

Восток — горные ущелья, пастушество; примитивное, изумительное ремесло, как у плетельщика корзины, запечатленного на фото (см. сним. 2). Запад — высокая техника и такие умины, как например изображенный на снимке руль величайшего океанского парохода «Нормандия», откопанный на заводах Шкода.

Умичная продавщица жареных каштанов, стоящая в ряду развешенных, торжующих чем попало, — от истоков до расцветов, от чужих до ирландских танков. А рядом универсальный магазин капиталиста Бати — примитивный, стеклянный, оборудованный новейшей техникой — бесподобный нарисованный на стекле скупатель.

Разве не о разрыве между городом и деревней говорят следующие два снимка? С одной стороны — уютно сложенная латка, где жизнь проходит по-праздничному, где живет уютно, среди пеленок, лежанок, запаха снега,

распятий, иконов, молитв... А с другой стороны — модернизированная обстановка детской комнаты, стальные закованные, стальные, из которых могут расцарапать дачи состоятельных горожан.

Даже в ирландцах виден этот разрыв. Чурбанообразные матрешки возмущают до сих пор косую, застывшую в бытовой традиции деревню, а стеклянные фигурки мыльниц — это произведение рук горожанина, знающего деревню только как место спортивного вылазок...

Горожанин может поставить матрешек у себя на подоконнике со снисходительной усмешкой: какая, мол, занятая экзотикой! Стеклолинные же статуэтки, появившиеся в приправленную лату, выдают лишь несомненное. История здесь еще не создала канализации, по которым протекала бы стремительный творческий обмен веществ, как например это происходит между соседними городами и кокошками.

Чехословакия — страна маленькая, но показательная. Прав Чапек, когда говорит, что это Европа в миниатюре. Где еще на таком близком расстоянии, временном и пространственном, найдется им крестьян в средневековых уборах, которые около своей ирландской лачуги хлебуют из общего котла в перерыв бесконечно длинного рабочего дня, — и роскошные кафе, комфортабельно убранные, превращенные в настоящие храмы едм и бсед?

Словачки детишки вынуждены бегать босиком до поздней осени, но дорога, по которой они бегут, — асфальтовая. На лечебных водах стоят изумительные оборудованные санатории, но многие комнаты их пусты, хотя где-то мучаются больные, у которых, однако, не хватает средств оплатить эти комнаты.

Прислушайтесь к песне, которую наигрывает на волынке старый пастух в придунайских степях.

Рожденная талантливейшим народом, мелодия переживает в городе, ее подхватывает артист — я говорю о замечательных чехословацких политических клоунах Воксовице и Берихе...

Подания в остром политическом обзоре, как будто бы на забытую аудиторию, мелодия эта немедленно обретает рамки зрительного зала, выводит на улицу и возвращается к порождению ее массы, как это случилось с песней той же Воксовице и Бериха «Против ветру», которая стала боевой песней единого фронта в Чехословакии.

С. ТРЕТЬЯКОВ

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ ДЕСЯТОМУ СЪЕЗДУ

Подготовка к X съезду ВАСМ вывала творческий полем среди молодых художников Москвы.

Ряд художников работает над картинами, посвященными советской молодежи.

Художник Лучинский пишет «Карнавал ровесников Октября». На этой картине изображена группа комсомольцев-станковцев завода Кучук.

Евгений Ильин работает над большой композицией «Грипповская трагедия», посвященной героическому эпизоду из истории комсомола Украины. Художник запечатлел на холсте момент гибели комсомольцев, попавших в плен к белобандитам.

Молодой художник Исаак Эбераль готовит к съезду картину «Как заглавлялась ствась: группа молодежи читает роман Островского.

Константин Дорохов избрал темой своей картины активное комсомольство.

В дни съезда будет открыта специальная выставка, в которой примут участие талантливейшие из молодых художников.

Новая картина Федора Антонова «Молодая семья в новом доме». В круге — Ф. Антонов.

Очерн Л. КОРОБОВА

Ежечасно телеграф, телефон, радио приносит и радиотелеграф доставляет новости. Заграничный номер «Комсомола» начинает свою жизнь с 12 часов дня.

Заведующий отделом информации к 17 часам закончил макеты первой и четвертой полос, приволачил читателям увлекательный рассказ о наиболее интересных событиях за день. Но... в 17 часов 10 минут ленинградский корреспондент телеграфировал: «Наша вышла из берегов». Из таинственной гущины Урала по радио сообщали о замечательной находке: обнаружена золотой самородок невиданных размеров. С судостроительной верфи прибыла машина: завтра спустится на воду величайшее в Союзе нефтяное судно. Заведующий отделом смотрит на макеты информационных полос и, задумавшись, говорит:

— Эй, если бы у нас были свои журналистские! Им могли бы давать фотоснимки событий на второй день.

Поздно вечером из далекой республиканской столицы телеграф приносит сообщение: местный аэроклуб подготовил 18 молодых летчиков. Слесари, токари, инженеры, учителям дали овладели искусством вождения самолетов. Но вот... почему журналисты не научились летать?

На следующее утро — короткий разговор с начальником центрального аэроклуба СССР им. А. В. Косарева.

— А через несколько пятнадцати автомобилей мы летим по Ленинградскому шоссе. Под колеса машин бежит асфальтовая лента. Навстречу нам несутся автобусы, троллейбусы, нас обгоняют мотоциклы: магистраль живет своей напряженной жизнью.

Дома встречаются реже, автомобиль спорачивает на Волоколамское шоссе, к Тушинскому аэродрому. Над лесом кружатся самолеты. Я видел сотни раз аэропланы и даже летах. Но сегодня по-особенному пристально всматриваюсь в стальных птиц и, волею, слезу, как выплывают летчики фигуры высшего пилотажа. Черноволосая девушка, сидящая рядом с машиной, улыбается. В этой улыбке много спокойствия и еще больше снисходительности. Головные пилоты гимнастерки, серебристые кривые с мечами на рукоятке вступают новичку улыбающиеся и этой девушке.

— Вы ведете себя неспокойно. Летчик не должен так волноваться, — говорит девушка.

Я краснею. Попа автомобиля несется в гору, и пытаюсь восстановить в памяти последние акции по теории полета, прочитанные мне и другим курсантам этой девушки. Теория полета я уже приблизительно знаю. Но вот назову будет на практике? Я еще ни разу не брался за руль управления. Остановка у аэродрома обрывает мои размышления.

В автомобилях, автобусах, на поездах, мотоциклах и велосипедов сбываются клоуны и девушки. Многие из них не успели переодеться после работы. Они быстро надевают очки комбинезоны. На головах коричневые плащи с откидками. Потом все становится в строй и идут в ангар.

Техник нашей группы Люся Туркова проворно выбирается на военный самолет, что-то шипит и подбегает к мотору. За этим следует короткое объяснение, как надо выводить самолет из ангара на красную черту, где самолет окончательно просматривается. Здесь проверяется работа мотора, и только после этого самолет покидает территорию разлетной площадки.

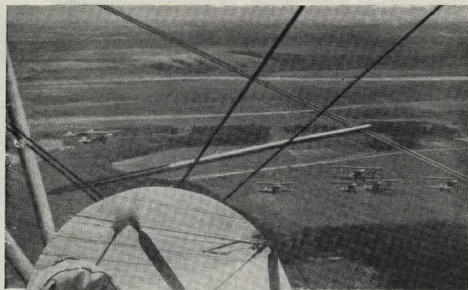
В первый день и поднимал у самолета хвост и поддерживал его, пока матушка машиниста из рук от ангара до красной черты. День, проведенный на аэродроме, показавшись мне самым счастливым. Мы поочередно садимся в самолет и летали по зеленому аэродрому. Это называлось «рулежкой». Наша учебная начиналась с

«рулежки». Девушка с голубыми пелюшками улыбалась реже. Глаза ее смотрели строго. Улыбки называли ее «товарищ инструктор». Изю для в день мы все больше привыкли к рулям, банно узнавали самолеты и своего инструктора Ирину Вишневу.

Май цветет на московских окраинах. Аэродром живет полнокровной жизнью. На расставте у ангара очень оживленно. Один за другим самолеты скрываются в серебристой пелене предутреннего тумана. «Рулежка» давно окончена. Мы поочередно садимся в кабину самолета, где нас уже ждет Вишнева.

На самолете две кабины. Каждая из них имеет свое управление. Оба управления связаны

Фото Л. Гайворона

между собой. Если ученик допустил ошибку и полетел не заметил ее, инструктор поправит его на своей кабине.

Белый флажок стюарта разрешает взлет. Через несколько секунд инструктор передает управление ученику. Рука робко ложится на ручку управления. Самолет набирает высоту.

Когда рука устает, машина пытается вырваться из-под твоего влияния. Но Вишневская всегда даст направление. Она по телефону указывает на ошибку. Замечания воспринимаются как приказы.

Мы летим по кругу. Весь полет длится шесть минут. Эти минуты коротки на земле, кажутся бесконечными в воздухе.

Взлет, набор высоты, разворот, снова набор высоты, второй разворот, опять набор высоты... Наконец, мы набрали 300 метров, убавили число оборотов мотора — и машина летит по прямой со скоростью 100 километров в час. Третий разворот, расчет на посадку, убавляется газ. Планирование. Четвертым разворотом выводишь машину на линию посадочного знака, планируем и делаем посадку. Все это происходит в течение шести минут.

День ото дня растет уверенность. Иногда Вишневская хвалит за полеты, чаще ругает. Все больше и больше вырастает в наших глазах ее летный авторитет. Ее показательные полеты представляются нам, курсантам, непревзойденным искусством.

Товарищи по религии встречают нас распросами о полетах: они остро переживают все наши удали и неудачи.

После напряженного религиозного дня, вечера в типографии, на рассвете мы снова на аэродроме. В летные дни инструктор записывает полет за полетом: 35-й, 38-й, 40-й... На 42-м — в кабину инструктора садится командир звена летчик Бесован. На следующий день в передней кабине — командир отряда летчик Ястребов. Они не вмешиваются в управление. Самолет ведет я. На мажорное движение рук для ног машина реагирует мгновенно. Сажусь удачно.

Стоя в стороне от старта, на лужайке, Ястребов о чем-то разговаривает с Вишневской. Иногда они посматривают в мою сторону. Я чувствую, что речь идет обо мне.

Меня поздравляют.

— Вы летите один, — неожиданно, тоном, не допускающим возражений, приказывает Ястребов. — Делайте в полете то же, что только что проделывали вместе со мной. Нормальный полет по кругу. Контроль по ориентирам и приборам дает грамотный полет. Не забывайте этого. На посадке давайте тянуть ручку.

Приказ Ястребова «Летите-разлучка» с ошеломляющей неожиданностью. Трудно объяснить чувства, овладевшие мной в эту минуту.

Я несколько растеряно смотрю на инструктора. Я вижу, что она тоже волнуется, хотя и скрывает свое волнение.

Вишневская проповедь самолет до старта, чего раньше она никогда не делала.

Взмах флажком отрывает мне путь в воздух.

Впервые за все мое летнее практику вторая кабина пуста. Я знаю, что если я ошибусь, никто, кроме меня, ошибку не исправит. Планиван движением даю мотору газ. Самолет устремляется вперед. После первого разворота заглядываю в зеркало. В нем виднеется опустевшая кабина инструктора.

Я испытываю чувства страха и гордости. Впервые само владеет первое чувство, оно тускнеет и притупляется, когда я вспоминаю о своем инструкторе. Главное — оправдать ее доверие, не подвести, не осрамиться...

Шестой выпуск пилотов у Вишневской проходит без аварий и поломок. И именно во время моего первого самостоятельного полета должно что-то произойти! Нет, все будет в порядке!

Хочется летать долго, до бесконечности долго. Все заглаживает ровный рокот мотора. Второй разворот, третий, четвертый. Выполнив всю программу полета, иду на посадку. Сажусь у посадочного знака мягко, на три точки: одновременно на колес и костыль. Вишневская встречает улыбкой, улыбается и командир отряда Ястребов, улыбается техник. Турной и ребята, еще не получившие настоящего воздушного крещения.

В ежедневных полетах совершенства техника пилотирования. Тренировался я на самых легких упражнениях: гуд-

бочки, виражи, глубокий спираль. Инструктор сидел на траве и посматривала на самолет.

12 октября Вишневская сказала:

— Поздравляю, Виталий, пилотаж.

На высоте 1000 метров Вишневская установила машину против ветра и односторонне произнесла в телефон:

— Поздравляю летца. Сажитесь внимательно.

Я мгновенно разогнал самолет.

Машина мгновенно опустила нос. Стрела прибора, показывающая скорость самолета, пошла вниз. Вот уже 120—130—140 километров в час. Инструктор потянула ручку на себя и — земля неожиданно пропала. Небо, сплошное небо окружало машину. На мгновение сделалось движение. Под головой показавшаяся земля. Вишневская завила у мотора газ, и самолет стремительно пошел к земле. Через мгновение — все в море.

— Поняли?

Я кивнул головой.

— Делайте так же сами.

Потал била сделана так, как показывала инструктор.

— Чистая пистая, — одобрила Вишневская.

— На аэродроме глубокий снег. Самолеты стоят на лыжах.

Завтра в переднюю кабину должен сесть государственный инспектор. После полета с ним будет заключен шлюз, будет получено государственное пилотское свидетельство.

...Мы с инструктором возвращаемся с аэродрома в аэрооуб. Ирина Вишневская кончат разворот, начатый на старте.

— Убавишь газ, плавно выводишь ручку, машина парашитирует, даешь ногу и срываешься в штуров.

— Ирина, — я впервые позволю себе эту возможность, называя инструктора по имени. — Ирина, я уже слышала это, знаю наизусть. Ты знаешь: правильно я пилотировала сегодня?

— Правильно. Руки у вас не озябли? Возьмите в полет мои перчатки.

С инструктором я буду летать так же. Руки у меня не забнут.

И вот настает решающий день... Урал Государственный инспектор доволен мною, как пилотом.

— Ирина, — торжеству и своему инструктору и крепко сжимаю руки девушке. — К десятому сяду у меня тоже будут голубые перчатки!

— Товарищ держится в воздухе уверенно!

В. И. Качалов в роли Пети Трофимовича в пьесе Чехова «Вишневый сад»; справа — юношеский портрет 1902 года.

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ НА СЦЕНЕ

В. И. КАЧАЛОВ,

народный артист Республики

Я рано начал мечтать об актерстве — с десяти-двенадцати лет, с того дня, когда впервые увидела театр и влюбилась им. С первого увиденного мной спектакля — это была опера «Демон» — начала расти во мне актер.

После «Демона» я все чаще и чаще стал заглядывать в театр. Разных героев я потом изображал при домашних, при всех, кроме отца, от которого моя страсть к театру приходила «снимать». Показывалась и отцовской рысью (отец мой был священником), сестринскими платками, муфтами и прочим. Я выискивала из-под стола с умоляющим, с настоящим торпом в руке, который выкарабкала у джентльмена, и по-настоящему путала всех окружающих.

В последнем классе гимназии товарищи да и нечаянно уже смотрели на меня как на настоящего актера. Я знала наизусть ряд ролей, даже целые пьесы: «Ревизор», «Лес», «Горе от ума». Я стал даже гастролером: из Вильны поехал в Минск и там выступил где-то в частной квартире очень конспиративно, для усиления фонда какой-то молодой рабочей организации. Гимназию я несмотря на увлечение театром все-таки кончила и пошла в Петербургский университет. Там в течение четырех лет я тоже более увлекалась актерством чем юридическими науками.

Наполею, в 1897 году — тридцать восемь лет назад — я стал заправским актером. В клетчатых штанишках, джинсах и в отцовском пальто явился я в Казань, в труппу Борода. В первый год давали мне маленькие роли, а во второй и третий годы я стал в этой труппе чем-то вроде премьеры.

Во вторую половину сезона, в январе 1900 года, совершенно неожиданно получаю telegram: «Предлагается служба в Художествен-

ном театре. Сообщите крайние условия». Телеграмма из Московского театрального бюро. Представление о Художественном театре у меня было самое смутное. В Москве я никогда не бывала, да и Художественному театру исполнилось в то время всего только два года от роду.

Совещаясь с товарищами. Общий голос: «Театр плохой, актеры лют, все мальчижи — ученики, любители; выдумщики-режиссеры денег называют у московских купцов и мудрят для своей потехи...»

— Да вы с ума сошли, — говорил мне Бородай, — если думаете променять ваше дело, ваш успех, ваше положение на любительщину. Да вы там потяните, а я ж из вас все-рассискую заманчивость через год сделаю! Но что-то тянуло меня к этому театру. А может быть, просто тянуло в Москву. Я прислушивалась к нежному голосам, которые раздавались в труппе за Художественный театр. Это были голоса женской молодежи, более интеллигентной части труппы из учениц московских театральных школ.

— Там гениальный учитель! — Непмирович-Данченко, — говорили мне. — Там гениальный режиссер — Станиславский.

Но что меня мало трогало. Зачем режиссеру быть гениальным? Разве нужна гениальность, чтобы выбрать и спектаклю подходящий «павильон» или удобнее разместить на сцене актеров, чтобы они не закрывали друг друга от публики? Мои колебания разрешил один старый актер. Он заявил:

— Театр этот Художественный, — конечно, вздор. Но... Москва! Стаю быть, поезжай без лишних разговоров. Не пропадаешь! Увидит тебя Корш и возьмет к себе, а то еще, чем чорт

не шутит, увидит кто-нибудь из Малого театра и возьмут тебя на императорскую сцену.

В конце февраля 1900 года я был в Москве. Началась знакомство с Художественным театром. Там или ренетции к будущему сезону.

Театр готовил «Снегурочку» Островского. В первом же разговоре со мной Непмирович-Данченко сказала, что ему очень хотелось бы теперь же со мной познакомиться, посмотреть меня на сцене, т. е. устроить что-то вроде закрытого — без публики — дебюта. Я согласилась и предложила показаться в «Смерти Иоанна Грозного» сыграть в одной сцене Годунова, а в другой — Грозного.

Понятно, как волновалась я в вечер дебюта. Конечно, собралась вся труппа, вся контора, даже канцелярия.

Я сыграла Годунова в первой картине, потом перетерпировалась и сыграла Грозного — вторую картину. Помню, что решила «впрыгнуть» так, как играл бы в Казани, где меня любили и втих ролей. Но радости в душе не было, веры я, то, что так хорошо, что так нужно играть, тоже не было. Уже душа была отправлена какой-то новой правдой, которую я почувствовала еще на репетиции.

Открыла. Пришла в уборную, стал разгиримироваться. Визу, входит Станиславский.

Станиславский обратился ко мне с улыбкой, застенчивой и конфузливой, как всегда, когда он не на работе:

— Пожалуйста, отложите, разгиримироваться. Я подожду.

Слова были простые, тон ласковый. Но в этот момент я уже знала, что оценка моего «дебюта» будет беспощадной. Наполею, очевидно, совладаешь с духом, он начал говорить. Смысл

(Окончание на стр. 22)

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ

ПОЭМА БОРЬБЫ

У ребенка Муси Половца было четыре сестры. Один — Андрей — сражался за свободу и независимость, другой — Онеко — казеннику Украини, третий — Панас — за «паризко» — мать порода, а четвертый — Иван — за советскую власть. Братья встречались на полях Украини. Встречались арагами. Они бьют друг друга без пощады. «Одного родо», — сказал Ивану о его братьях комсомолец Гурда — не одного с тобой классов. Так кончается первая новелла Юрия Ипполитовского «Восхищение». Новелла и роман — понятия как будто разные. И все-таки этот роман, состоящий из отдельных новелл, представляет собой единое целое.

Герои романа, не зная друг друга, сражаются в разных концах страны против денинцев, петлюровцев, маляевцев, белочехов. И первая новелла — точное уverture в сжатой форме передает основной мотив произведения — гитлеровское классовое сращивание, размыкающееся в годы гражданской войны на просторах Украини.

По мере того как советская власть одолевает одного за другим своих противников, фронты суживаются, пока не свиваются в один, последний фронт — Перекопский. У Перекопа и Чонгара герои романа встречаются и вместе вырываются в Крым. Заключитель-

ным аккордом книги звучит последняя новелла — рассказ бывшего командира, а теперь ставлера Чубенко о командире Александровиче — одном из героев, погибшем на пути к Перекопу.

О чем же рассказывают рассказы Чубенко и писатель Иванский? Не просто о подвигах, а о таких подвигах, которые требовали величайшей сознательности и большевистского мужества. Командир Чубенко болен тифом, но он «кавал на коня и подалаюл тифа, ввеля себя под коня, чтобы прогнать брда». Одиавляемый болезнью, Чубенко увел свой полк от засады петлюровцев и, только когда полк оказался в полной безопасности, савла прищадну на вырчку Ивану Похочу: «Спасио, брат, и кади мие, куда хоньш».

В романе много также возмущающих эпизодов. Веса роман, от начала до конца, читается с захватывающим интересом.

«...Молодой сын крестьянина, партизан, засахен в свою деревню, чтобы повзять отцу, нолдла только пемелаш, нолдла номенного отца, нил убитую мать. Этот партизан-крестьянин не лавала, ол тавало креще савла рукав винтовку, нащупавла гранату, нисвуху около поха, и мчався обрато в отряд, чтобы сына ринуться в бой, отомстить врагу».

Героическим асам нолбуает история партизанского движения на Дальнем Востоке. Об этих героических делах повествует в циклическом рассказе Иван Петрович Постышева (П. Постышев «Первый партизанский Тунгусский отряд». «Молодая гвардия», 1935, 70 стр. 25 тис. вес. 1 р. 15 к.).

Тов. Постышев был руководителем и вдохновителем партизанского движения на Дальнем Востоке в 1918—1920 годах. В своих воспоминаниях он красочно рисует борьбу одного из партизанских от-

рядов, сформировавшегося в Тунгусской волости, Хабаровского уезда, под командой П. П. Шевчука.

Перед нами книга «Быт рабочих Тунгусской мануфактуры» (автор — С. Амиджа. Государственное издательство «История заводов», 1935). Из прошлого встает «черное царство» Прохоровых, владевших в течение 118 лет Тунгусской мануфактурой.

Обращение рабочего не ограничивалось выдачей иппенской заработной платы, которой не хватало даже на полугодное существование. Веса быт, вса «частная жизнь» рабочего дла оставалась под контролем фабриканта, высасывавшего дополнительные барани даже из выданных зарплат. Было установлено «картельное червение», при котором все закупалось в прохоровской лавке, давшей за тигаме, недобровольные продукты атрилодра.

Откупались рабочие и знаменитых «прохоровских свальцев», уничтоженных лишь в конце 1920-х. Членение сталины было уставлено сплосными нарами, расплосными в два друс; только в головка

ГЕРОИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ТАЙГИ

баровских событий в апреле 1920 года.

После японской провокации в Хабаровске партизанские отряды встали в состав регулярной Красной армии, героически боролись за власть советов, против японцев, талисманов, заманчивых революционной борьбы, высасывали сердце молодого читателя мужеством и отвагой.

Волнующая книжка воспоминаний П. П. Постышева читается с исключительным интересом. Она передает молодому поколению нашей страны великие традиции революционной борьбы, всматривает сердце молодого читателя мужеством и отвагой.

Следует лишь пожалеть, что «Молодая гвардия», выпустив эту книгу, вынуждена изданием, не сформировавшаяся в явной и коммента-риями, поясняющими молодому читателю обстановку, в которой происходило действие героини-партизана.

В этом отряде тов. Постышев находился вплоть до известных ха-

нары были разделены досками; в ногах устраивались «спячечники» — ящики, где здривались хлеб, диния, бам — и другие вещи. — Там жили холостые рабочие. А во как жила семейная: «В небольшой комнате размером в 4 метра диния и 2,5 метра ширина (10 квадратных метров) жило нас две семьи», — рассказывает тов. Дощава, вспоминающий которой приходится бам — и другие вещи. — Там и у них двое. В комнате стояли их кровати и наша кровать, а посередине — узкий проход. Дети спали на савуде на ла поу».

Таков был дореволюционный быт.

Книга подробно рисует все его стороны: рабочее положение учеников, мастеровину и шпионаж, штрафной провал и «зарпечную прибыль», коммунаную участь детей рабочих и др.

Мы горячо рекомендуем эту книгу всем молодым работникам в рабочих.

После японской провокации в Хабаровске партизанские отряды встали в состав регулярной Красной армии, героически боролись за власть советов, против японцев, талисманов, заманчивых революционной борьбы, высасывали сердце молодого читателя мужеством и отвагой.

Волнующая книжка воспоминаний П. П. Постышева читается с исключительным интересом. Она передает молодому поколению нашей страны великие традиции революционной борьбы, всматривает сердце молодого читателя мужеством и отвагой.

Следует лишь пожалеть, что «Молодая гвардия», выпустив эту книгу, вынуждена изданием, не сформировавшаяся в явной и коммента-риями, поясняющими молодому читателю обстановку, в которой происходило действие героини-партизана.

В этом отряде тов. Постышев находился вплоть до известных ха-

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ НА СЦЕНЕ

(Окончание)

его слов был тот, что лебят показав, насколько мы чужие друг другу люди. Мы настолько гордились на равных, что он даже не считал возможным вдаваться в подробности и объяснять мне, в чем тут дело. Сейчас я еще не смогу этого понять.

— Вы простите меня, — он лавался, улыбаясь, конфузился, — простите меня, но я не ожидал, чтобы за какие-нибудь три года на сцене можно было приобрести столько другого и так упроститься в нем, что он даже не считал возможным вдаваться в подробности и объяснять мне, в чем тут дело. Сейчас я еще не смогу этого понять.

Потом то же самое, только в более мягких выражениях, сказал мне на следующий день Владимир Иванович Немиротич-Данченко.

Мои новые товарищи, встретившие меня, полагали, неудачливое, теперь, после моего неожиданного провала, стали относиться ко мне проще, более ласково и участливо.

И вот передо мной встал вопрос: остаться

ли здесь или бежать из этого театра и искать, «где осорбимому есть чувство улово?» Мое актерское самолюбие говорило мне: «Конечно, бежать!» Но какое-то артистическое любопытство гонело меня, что-то призывало меня к тому театру. Я не был занят в «Снегурочке». Но я не мог, буквально не мог пропустить ни одной репетиции. Я первая пришла на репетицию, где меня никто не вызывал, и последним уехала. И с каждым днем и чувствовала, как раскрывалась моя глаза, как я начинала видеть в театре то, чего никогда в нем не подсмотрела.

Так прошло около двух месяцев. Труппа собиралась разжаться на летние каникулы. И вдруг на одной из репетиций «Снегурочки» мне подполз Станиславский и сказал, отдав мне в сторону:

— У нас, как видите, не адитесь роль царя Берендея. Ни у меня ничего не выходит, ни у других. Все провабам. Попробуйте вы. Со-

Я с удовольствием согласился. Мне стало ясно, чего добивался от исполнителя этой роли, и мне казалось, что я сватки нужное. Когда же я вышел на сцену, то дла на репетиции я влез на некое сооружение из табуреток, изображавшее царский трон, и вдруг почувствовал в се-

бе сполновную уверенность. Я стал произносить первую монолог. В зале был напряженный тишина... Я кончила монолог и хотела сказать в трон.

Вдруг вижу: но мне устремляется Станиславский с следующим лицом и начинает аплодировать. В ту же секунду раздался крик аплодисментов еще присутствовавших. Станиславский захмал руками и стал уверять меня на трон:

— Не можете ли дальше? Еще что-нибудь? Сцену с Кунайов?

Я продолжала — и опять был крик аплодисментов.

Станиславский, взволнованный, говорил: — Это — чудо. Вы выш. Вы все поняли. По-яла — чудом, потому что вы, молодой театр, ураль. У нас есть царь Берендей!

Станиславский крепко меня обнял и поцеловал. Это был один из самых счастливых дней моей жизни. Судьба баловала меня в этом моем дорогом, моем единственном театре и много радостного дала мне за тридцать пять лет пребывания в нем, и все-таки именно этот день был для меня, кажется, самым радостным

ВАСИЛИЙ НАЛОВ

Телевидение

Очерк М. ПАПАВЫ

В студии телепередачи.

В 1839 году физик Беккерель впервые обнаружил способность металлов изменять свое состояние под влиянием лучистой энергии света.

Почти через сто лет после этого наблюдения Беккерель нам пришлось побывать в московской студии телепередачи.

Близкаясь полотно. По коридору бродили персонажи из оперы «Русалка»: «меланхолическая» Наталья, гибель которой была уже предопределена Дартомискином, навещавшая на хмурую посадку жави гриба, и вероломный «князь» бесстрастно дождав бутерброд с сыром.

Озвученные техникой с радионаушниками, бормочащими на уху, снова и в аппаратуре, являющаяся чьей-то козиминой вражде.

Диктор стоял у зеркала. Через несколько минут его должны были увидеть сотни телескопических в самых различных уголках Советского союза, и диктор тщательно прищипывался и поправляла галстук.

В пять минут первого, заливаемые потоком ослепительного света, артисты стали у объектива телепередачи. В это время тов. Портновский, научный работник Минска, тов. Алдаринов, рабочий одного воронежского завода, и сотни других телескопических Союза приняли сигналы Москвы, и на экранах их телевизоров в оранжевом свете основных ламп появились «меланхолическая» и «Наталья»...

Беккерель, о котором мы упоминали вначале, имеет до всему этому очень отдаленное отношение. Он только первый обратил внимание на явление светочувствительности металлов. Прошло десятилетие, прежде чем появились первые телестанции, практически использовавшие это явление...

По своему внешнему виду он ничем не примечателен, этот шароидный, степенный баллон, являющийся сердцем всякой телепередачи. Здесь, в «фотоэлементе», происходит замеча-

тельное превращение световой энергии в электрическую, благодаря которому мы можем теперь видеть на сотни и тысячи километров.

По существу, фотоэлемент — это электрическая лампочка особой конструкции. В обычной лампочке между двумя электродами противит волосок, который накаливается при прохождении тока и дает свет. В фотоэлементе электроды не соединены ничем.

Фото Р. Земберг.

На фото сверху: отражение в зеркале перед объективом аппарата.

На фото внизу: контрольный телевизор.

Часть фотоэлемента покрыта изнутри тонким серебристым слоем цезия — металла, обладающего высокой светочувствительностью. Это — электрод с отрицательным потенциалом. Второй электрод, заряженный положительно, находится посредине стеклянной колбочки фотоэлемента. При включении фотоэлемента, скажем, в аккумулятор — тока в нем не возникает, потому что его электроды ничем не соединены. Но достаточно световому лучу попасть в это время на светочувствительный слой фотоэлемента, как между электродом устанавливается контакт и в привале, выходящем из фотоэлемента, возникает ток.

Что же происходит в этот момент внутри фотоэлемента, и какая таинственная сила соединяет его электроды?

Луч света, попадая на светочувствительный слой цезия, вызывает в нем замечательную реакцию. Луч как бы бомбардирует атомы этого металла. Внутри них, вокруг своих атомных ядер, вращаются электроны как планеты вокруг солнца. Луч света как бы вырывает их дополнительной энергией, и благодаря этому неожиданному союзннику части электронов удается преодолеть внутриатомное притяжение и вырваться наружу. Эти электроны притягиваются положительным электродом фотоэлемента. Поток электронов замыкает цепь, и в фотоэлементе возникает ток.

Но ток этот ничтожно слаб. Для передачи на расстояние нужно этот ток усилить во много десятков тысяч раз, и как раз это обстоятельство задерживало до последних лет развитие телевидения.

Фотоэлемент — сердце телепередачи.

Способ превращения световой энергии в электрическую был найден еще в последней четверти прошлого века. Тогда же возникла и мысль о передаче изображений на расстояние. Немец Нипков уже в 1884 году изобрел свой диск, практически разрешивший эту проблему. И сегодня первая телепередача, осуществленная в Америке, датируется лишь 1925 годом.

Только развитие радиотехники дало нам ту мощную усилительную аппаратуру, благодаря которой ничтожно малые токи фотоэлемента могут быть усилены и переданы на расстояние. Вернее, однако, к «мелынику» и «Наташе», которым мы оставили под ярким светом студийных ламп. Они стоят у микрофона, отделение от аппаратуры толстым слоем звукоотражающего стекла. Словно не глядя на лик объекта телепередача. Поток света, отражающийся от их лиц, передается на фотоэлемент — идеальном. Чтобы порадовать изображение, его нужно сначала разбить на отдельные участки (точки). Ведь лицо «мелыника» отражает свет не одинаково: нос освещен ярче, глаза видны слабее и т. д. Если световые лучи испускать, а фотоэлемент не сразу, а поочередно, то различные участки изображения будут давать различие по силе электрических. Чем ярче передаваемый участок, тем сильнее световой луч, что упадет на светочувствительный слой фотоэлемента, тем больше фотоэлемент вырвется на свободу, тем сильнее будет вызванный им ток.

Для такого расщепления светового потока внутри передатчика, между объектом и фото-

элементом, поставлено препятствие в виде диска Нипкова. Диск этот имеет ряд отверстий, расположенных на нем по спирали.

Непрерывно вращаясь, диск расщепляет световой поток, исходящий от изображения, на ряд последовательных светосигналов, принимаемых фотоэлементом. При одном обороте диска успевают пропустить поочередно световые лучи со всех участков изображения.

Но вот световые изображения, расщепленные диском, пропали свои необычайные превращения в фотоэлементе и превратились в электрические, полетела в эфир. Что же происходит дальше?

Где-нибудь в Ижевске или в Омске далекий телезритель поймает этот сигнал, отправленный Москвой, и неоновая лампочка его приемника начнет непрерывно мигать, превращая слова в свет получаемые электрическими.

Каждая вспышка этой лампочки будет в точности повторять яркость света передаваемого участка изображения.

Между глазом нашего любителя и неоновой лампой его приемника помещен такой же диск Нипкова, какой мы видели в телепередаче. Но в Москве он размазывает изображение на отдельные точки, а здесь, наоборот, он как бы собирает вновь это изображение из отдельных точек ламп.

Диск приемника должен вращаться совершенно синхронно с диском Москвы, т. е. каждый раз между глазом зрителя и неоновой лампой должно быть именно то отверстие, сквозь которое в этот момент в Москве ушла луч света из фотоэлемента, и в том же самом месте.

Те наши читатели, которые имеют радио, например, не раз слышали после получения, как диктор объявляет:

«Ноль часов пяти минут. Начинается телепередача. Настраивайтесь! Настраивайтесь!»

В этот момент по специальным сигналам Москвы телезрители настроились моторчики своих приемников так, чтобы они вращали диск с той скоростью, как и мотор передатчика в Москве. И тогда, глядя в небольшое окошко телевизора, глаза зрителя как бы слетают в одно целое отдаленные вспышки ламп и видят «мелыника» и «Наташу», стоящих у объекта телепередача в Москве.

Неоновая лампа приемника дает красноватый свет, какой мы не раз видели на световых рекламных магазинах, и потому телезритель ви-

дит черно-серое изображение на экранном фоне экрана.

Но ведь «мелыник» и «Наташа» не неподвижны: они открывают рот, жестикулируют, двигаются, и чтобы зритель воспринял эти движения, их изображение должно быть передано 12,5 раза в секунду. Здесь остается в силе тот же оптический обман, что и в кино. Ведь на экран кино нет, по существу, движения. Здесь очень быстро сменяется ряд совершенно неподвижных кадров. Скажем, герой поднимает руку. При съемке киноаппарат зафиксировал в течение одного секунды 16 различных положений руки, поднимавшейся снизу вверх. Затем, когда вы приходите в кино и смотрите на экран, эти 16 различных положений руки, показанные на экране сменяются так быстро, что ваш глаз не успевает их различить, они складываются в нашем восприятии, и вы видите плавное движение руки. То же происходит и при телепередаче.

Диск Нипкова при передаче разбивает изображение на 1200 элементов (сигналов). Изображение же нужно передать в секунду 12,5 раза. Таким образом, в секунду телепередача посылает в эфир 15 тысяч сигналов!

Четкость изображения зависит от количества элементов (светосигналов), на которые оно разложено.

При передаче на 1200 элементов, которую осуществляют покамест у нас, достаточно четко видно лицо человека. Если давать эфир фигуру, то видны ее контуры и движения, но отдаленные детали уже не улавливаются, в частности смазывается лицо.

Отчего же это происходит? Представьте себе, что из отдельных кусочков мозаики как лампа нужно сложить мозаичное изображение. Очевидно, — чем меньше будет эти отдаленные кусочки серва на стене, тем тоньше по рисунку будет наша мозаика, тем больше деталей и темей вам удастся передать. И наоборот: чем крупнее будут эти кусочки мозаики, тем грубее и приблизительнее будет ваш мозаичный рисунок. Теперь представьте вместо этих кусочков мозаики светосигналы телепередачи и вам станет ясно, почему от количества элементов, на которые разложено изображение, зависит его четкость при передаче на экран телевизора.

В ближайшее время у нас будет установлена новая аппаратура, уже на 70 тысяч элементов. Но у таких передатчиков есть свой минус: вытравивая в четкости и возможности передавать самые различные объекты, они проигрывают в дальности, на которую можно будет передать изображение. Такую передачу можно было проводить покамест только на ультракоротких волнах, у которых радиус распространения ограничен десятками километров. Кроме того передача на 1200 элементов, применяемая сейчас, использует волну обычных радиостанционных станций, а при повышении количества элементов необходимы уже специальные станции для телепередачи.

И все же несмотря на ряд технических трудностей, стоящих перед телезритель, эта новая область техники открывает перед нами колоссальные возможности, и здесь уже сейчас доступны самые фантастические мечты.

Где-нибудь в степях Кубани, собравшись на полемное стане после жаркого дня уборки, колхозники будут видеть, как на Балтийском море эскадрилья поднимает автоматный корабль. И в это же время ученый рыболов, сидя в Москве, будет наблюдать движение рыбных косяков в Каспийском море, а оленеводы севера будут легко путешествовать по заполярным странам юга, где никогда не бывает снега.

И, может быть, именно эти самые мечты заставляют теперь сотни изобретателей-телезрители: инженеры и рабочие, вузовцы и служащие — посвящать долгие часы за конструированием самоходных телевизоров¹ и ловить ночью поземные сигналы далекой Москвы.

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ...

Изобразил Д. Н.

ДОКТОР-МОСКВИЧ — Англич. Процесс еще не закончился. Если у нас в Ижевске соберется, закутанный в меха, то выйдет доктор мой, а не променяет...

¹ В ближайшее время в продажу поступят первые телевизоры, изготовленные заводом им. Коминтерна.

СЫН

ЗАРИСОВКА

Трамвай № 29 позвякивал летит по улице. Григорий Николаевич Якушев выдает пассажирам билеты. Ожпа зашдевели. Старик продамвал в окне газеток, чтобы выдсто оставили. Над ботками продамвал мелает черные ветки дровишек, а над ними висит красный шар февральского солнца.

Вечерсет. Работа окончена, и старик кондуктор отправляется домой на Бутырскую улицу. Ульяна Иванова готовит ужин.

На диване возлзет малыши — Женя и Вера. У окна — маленький столик. Лампа под зеленым абажуром бросает свет на тетрадь, над которой склонились две головы: Люда и Оля готовят уроки.

Григорий Николаевич раздевается и садится с газетой за стол.

Стол накрыт: бутерброды, лава, чай, медовый халбед домашнего изготовления.

Но никто не приступает к ужину. Все ждут Сергею. Он приходит ровно в восемь, принес с собой едва уловимый запах дубленки коп. Женя и Вера срываются с дивана и ботут на встречу старшему брату. Сергея вынимает из кармана два апельсина и протягивает малышам.

Григорий Николаевич снимает очки, хитро щурится и спрашивает:

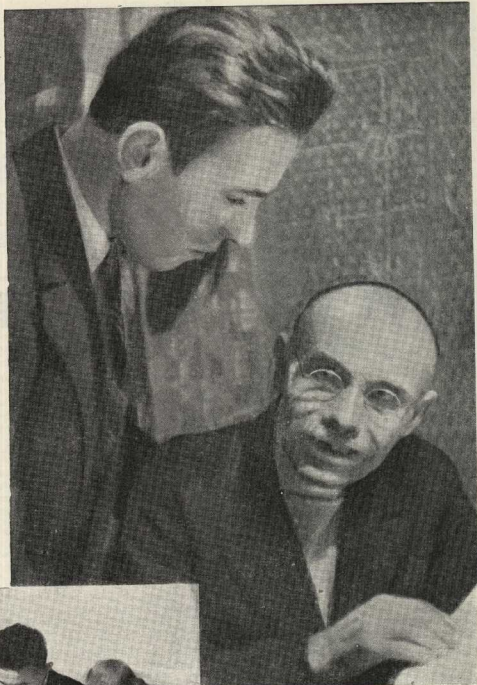
— Ну, стахановец, не сдал темп?

Любимец всей семьи сидит за столом, он рассказывает отцу о том, что было сегодня на фабрике, шутит с малышами, расспрашивает мать о домашних делах и о том, как вел себя Володя. Володя — маленький брат — озорной паренек; на него плохо влияют товарищи, и Сергея этим озабочен: он следит за каждым шагом брата.

Молодого штамповщика фабрики «Парижская коммуна» комсомольца Якушева знают все обшники страны: он поставил рекорд на работе по вырубке подошв, его метод работы научат в лабораториях фабрики.

С тех пор как Сергея стал стахановцем, он

фото И. Гукина

Сергея принес детям новую игрушку.

— Ну, стахановец, не сдал темп?

Сергея сидит за книгами: он готовится к поступлению в вуз, он будет инженером.

Мать входит в комнату и тихо, стараясь не мешать сну, причет в буфет посуду.

Утро выходного дня. Сергея надевает новый костюм, позывает галстуки. Ульяна Иванова уже одета: она тоже привородилась. Сегодня Сергея с матерью идут на утренник в Большой театр слушать оперу «Евгений Онегин».

— Ну, пора, а то опоздаем! — говорит Сергея.

В театре он берет для матери бинокль.

— Ну что ты, Сергеевна, зачем?

— Надо, чтобы ты все, все видела. Дай-ка я отрегулирую. Так хорошо?

— Да уж лучше и не надо.

— Ну вот. Сейчас еще албретто возьму. Ты смотри, слушай, а я тебе все объяснять буду.

И Сергея рассказывает матери о Пушкине, о Чайковском, об авторах и художниках.

Гаснет свет. Вспыхивают прожекторы, музыканты поднимают смычки, прикладывают к губам флейты. Мать смотрит в бинокль, на лице ее — восхищение и нежность...

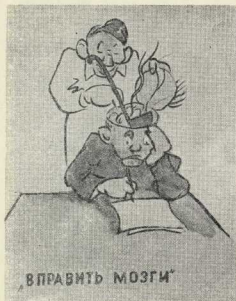
зарабатывает 600—700 рублей в месяц. И все деньги он отдает семье, оставляя себе лишь на личные расходы. Это из сереевны девять купонов новые буфет и диван.

Он часто приносит родителям билеты в

театр. Григорий Николаевич и Ульяна Иванова стали страстными театраллами. В эту зиму они видели много спектаклей...

Часы бьют одинадцать. Малыши давно спят. Задремал и старик.

Я. ХЕЛЕМСКИЙ

Графическое изображение некоторых «ласковых оборотов», любимых некоторыми комсомольскими активистами (на стенах делегации Дзержинского района на московской IV областной и III городской конференциях ВЛКСМ).

ЛА М

Статья М. ГОЛЬДБЕРГА

ПАРЕНЬ. Толя, пойдите танцовать.
ДЕВУШКА. А вы отсюда меня знаете?

ПАРЕНЬ. С танцовой. Неужели не помните? ДЕВУШКА (обращаясь к подруге). Что он притянул? Я его не признаю...

Кто эта девушка? Почему она отвечает парню таким языком? Кто она: безразличная или юля правонарушительница, познававшая словески из зловещего янтра? Нет. Она ударила танцовой фабрикой. Она оочечна селантук. Она бьнает и театры и берет книги в библиотеке. Где происходит разговор? В грязном переулке, в пивной? Нет, в огромном залитом элестрическим светом «Гекстальшнн», где становится плесе Шекспира и читаются легенды о Пушкине.

Тоня К., работница танцовой фабрики «Пролетария» (город Калинин), искренне убеждена в том, что говорит «просто» вместо «приманно» или «зависает» вместо «зависает» — значит быть оригинальной, «интересной». Это должно быть заинтересовано парней. И Тоня К. усматривает свою речь уродливыми словечками, отбрасывая «перламутр» богатого жаргона.

Никто не видит в этом ничего тревожного. Наоборот. Как сообщают калининская газета «Сталинская молодежь», клубные работники и комсомольские активисты стараются не отстать от Тони К.

В Москве, в клубе завода «Молоток», нам удалось услышать от одного комсомольца такую фразу:

— Работа у нас стоит за киселем.
— Что это значит? — спросил я.
— Ну, на кисель... плохо, значит, идет работа.

Речь этого комсомольца (между прочим, одного из лучших станковцов завода) была пересказана журналисткой неузнаваемыми вставными словечками: «вот», «ну», «значит» и т. д. О своем товарище, простоту которого должен был разгадать на заседании комитета ВЛКСМ, он извращал так:

— Мы его на комитете разведем.

Этот комсомолец с гордостью рассказывал мне, что за последние годы прочитал романы Жюль Верна, Достоевского, Уэллса, а в сочинении шел цвет завода: станковцы, инженеры, члены комсомольского комитета. Говорили на языке острей, возмущение тем: о расхождении зарплат, о личной жизни, о семье и т. д. Сочинение было так обильно, что выступавшие могли говорить совершенно не

принужденно. Разговор был, что называется, по душам. И все же...

ВОПРОС. Денги у вас, главным образом, идут по линии улучшения питания?

ОТВЕТ. Да, по линии улучшения питания, и одежду покупаем.

ВОПРОС. Давно вы включились в стахановское движение?

ОТВЕТ. Включился в стахановское движение у меня было в конце октября...

Что заставляло молодых, ленивых товарищей говорить таким мертвым, бюрократическим языком? Не проще ли было сказать: «Я стал лучше питаться» или «Я начал работать по-стахановски с конца октября».

Психологическое чиновно-капеллярское «карсирное» на собраниях и баллах жалко в быту — вот что характеризует язык очень многих молодых рабочих и работниц.

Есть фразы, которые как бы получали права гражданства в языке молодежи, хотя они безграмотны. Безграмотность им как бы прощается «за высокую цель». К таким фразам относятся знаменитые «На сегодняшний день мы имеем...». Или: «Надо подчеркнуть у того» вместо «надо подчеркнуть то».

Слово «вопрос», которое во всех речах активистов повторяется сотни раз, часто употребляется в искаженном, искаженном смысле. Говорят, например: «Наша работа в вопросе станковцов движется...» вместо того чтобы сказать: «В области станковцового движения» или еще лучше: «Наше участие в станковцовом движении».

А как беден язык наших комсомольских активистов, привыкших воспитывать молодежь!

Вот отрывок из речи тов. Нестерова, секретаря Волынского горкома ВЛКСМ, на комсомольской конференции:

«Мы сейчас имеем около 20 первичных комсомольских организаций. Мы имеем на заводах Богова, Саратова, Волынского станковские смен, цехи. Но было бы неправильно думать, что в развитии станковцового движения сделано все и что те результаты, которые мы имеем, являются целиком и полностью результатом только работы орбитора. В этой области орбитора — ограда рабочей молодежи и много серьезное отставание. Здесь мы имеем такое положение... и т. д. «Имеем», «имеем», «имеем» — без конца, без перемены; под этими словесными лампами, под этой однотонной, серой лампой ничего нельзя разглядеть: ни жизни, ни людей, ни станковских смен, ни комсомольской работы.

Товарищ Нестеров, в русском языке есть и другие слова кроме «имеем» и «имеем». Мы рассудим о станковском движении, о движении, подготовляющем переход к эпохе

коммунизма, — эпохе высочайшей культуры, а говорим: имеем, имеем, имеем! — это язык — языком жалкого отставного писаря. Вы в своем докладе сказали, что молодежь стала лучше одеваться, а вот свои мысли вы не позаботились одеть в приличную одежду. Неужели, товарищ Нестеров, культура заключается только в том, чтобы станковцы носили штилеты в костюмах и носили не меньше трех раз в месяц» жено и теще?

Впрочем, люди, которые ухаживают за работниками станковцов, пренебрегают словом, когда речь заходит о разных авторитетных, «наивных» и прочих вымыслах.

Вот каким стилем разговаривают с молодежью активисты Петроградского района Ленинграда. Об этом с возмущением рассказывала на районной конференции девушка с трикотажной фабрики «Красное знамя»:

— Мы вам впрямую можем.
— Возьмем за шнур.

Надем морду.
На московской областной конференции, которая проходила в Доме союзов, одна делегация выступала стеновой с острыми шаржами и карикатурами.

Некоторые из этих карикатур мы помещаем в журнале. Они говорят о том, что передовая советская молодежь начала бесподобную борьбу с языком безкультурья. Отныне грубость, извращения, безграмотность в разговоре объявляются в комсомоле все законы.

Та же девушка с «Красного знамени» на конференции приняла такой пример:

— Когда комсомолец впервые приходит на политкружок, он часто бывает в затруднении (голоса: «Правильно!»). Он знает, что преподавателю нельзя отвечать фразы, которые пестрят богатством словечками, и... растеряется. В нашем кружке было, впрочем, случалось, когда комсомолец выражался так: «Междуларе да буржуазия гуртается, но все равно ей «даст чабана». (Общий смех.)

Разные комсомольцы понимают, что «чужим» хлам не дает пробиться наружу и если, глумит мысль, т. е. мешает идиллии и культурному возмужению человека. Тем более что должно быть ясно каждому активисту союза.

«Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры», — говорит Алексей Максимович Горький. — Чем острее это орудие, тем более точно направлено, — тем оно победоноснее. Именно потому один всегда стремится приукрасить язык, другие — «отчистить» его».

Именно поэтому нужно считать языковые безкультурья явным «частным недостатком». Мол, что же здесь такого, парень говорит коряво, зато мысленно правильно.

Нет, должны сказать мы. Если он говорит источно, небрежно, значит, и мыслит источно, небрежно. Значит, его культурный уровень еще очень невысок.

ЛОЖНАЯ ОБИДА

В № 1 журнала «Смена» я прочел письмо Петра Баламанова к своему другу Сергею. В нем случае мне очень хотелось бы быть на месте Сергея. И вот, если бы я получил от Баламанова такое письмо, я ответил бы ему по-дружески так:

— Здравствуй, Петя! Начал твоё письмо заставляло меня почувствовать в воспоминаниях: я ясно представил себе тот момент, когда мы, еще детьми, стояли на берегу Мокшаровки. От брошенного тобой камня по воде пошли круги. Я насчитал семь кругов... А у меня больше пяти не выходило.

Для меня это было большим ударом, потому что до этого я всегда брал верх в этих состязаниях.

Я рассердился прежде всего на самого себя, потому что я, наловчившись шиповать камешки, успокоился на достигнутом и не думал о том, что кто-то может меня перекрыть. Я успокоился, и тем хуже было для меня: ты показав мне нес.

Теперь, прочитав твоё письмо, я прямо удивился.

Я пишу тебе, что за три года обучал десятка товарищей, что твои ученики достигли больших успехов в производстве, переработке старых норм.

Все это хорошо, Петя, хорошо! Но плохо то, что ты большой завялика: ты не допускаешь того, чтобы соревноваться со своими учениками. Тебе казалось, что ты, Гришка, никогда не сделаешь больше тебя. А когда Гришка перекрыл твои показатели, тебе стало обидно, что он выиграл, не посоревновавшись с тобой. Ты считаешь своего достоинства априори с ним в соревновании, начесть, как ты выражешься, «стало» коварным обманом. А что ты нашёл в этом коварном?

Разве Гришка виноват, что он раньше тебя пошёл своим старинным движением, что он не хотел топтаться на одном месте и с каждым днём все лучше и лучше осваивал станок, технику и выжимал из них все, что можно выжать? Разве он виноват в этом? Нет, конечно. Выиграл ты, что топтался на месте, не чувствовала потребности в повышении производительности труда, не подвизался сразу изминуться Сталинской. А потому ты и отстал от своего ученика.

М. РЯБУШКИН

Гор. Горнозаводск, Ворошиловской области

ЗА ОТКРЫТОЕ ДРУЖЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ

Когда началось стахановское движение, Гриша оказался более активным чем Петр. Он раньше своего учителя понял эту, как теперь нам кажется, простую истину и решил работать по-стахановски. Но подумал ли он при этом о своем учителе? Нет, о нем он забыл. Я не оправдываю Баламанова, который из чувства личной обиды наудача как вылез из крупу и не сразу принял участие в стахановском движении. Это бесспорно, и об этом правильно писал товарищ. Мне только хотелось ответить, что и Гриша поступил не совсем по-стахановски. Нам не в ладу соревновательство, инстинктивно. Мы должны бороться за открытое дружеское соревнование. Мы не должны стесняться хороших чувств. К таким чувствам я отнюдь и чувствительно привлекательной благодарности к своему учителю.

— Стахановка ЛЮБА ОСИПОВА.

Азовград им. Сталина.

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо Петра Баламанова «Обида», напечатанное в № 1 «Смены», вызвало живую дискуссию среди наших читателей. Редакция получила письма от многих читателей — стахановцев, мастеров, инженеров и других. Часть этих писем и замечаний ставит редакцию перед необходимостью в одном из ближайших номеров «Смены».

ИСКУССТВО ХОДИТЬ В ПРОТИВОГАЗЕ

Российская участница похода в противогАЗах
Одесса—Москва комсомолец Людковской

— Надеть противогАЗ!

Резиновая маска плотно облегла мое лицо. Впереди я вижу товарищей в шинелях и противогАЗах. У всех на груди ленточки: «Полоса осовлаживающих в противогАЗах Одесса—Москва».

В противогАЗе я начала ходить с лета прошлого года. Боевое крещение получил в лагерях Осовиазима. Там мы в течение месяца каждый день, с утра, надевали противогАЗы и защитные костюмы и в них работали. Так я подготовила себя к участию в трудном переходе.

Как я живу в противогАЗе?

Сначала рассказку, как я уживаюсь за ним. Уход за противогАЗом в пути — большое дело. Особенно тщательно я слежу за состоянием выдыхательного клапана. В сильные морозы я предохраняю клапан смазыванием его безводным вазелином или глицерином.

На остановках, снимая противогАЗ, я вытираю маску и просушиваю ее. Это очень важно, так как иначе в гофрированную трубку будет попадать влага. А сырость — это наш враг: в сырую погоду забуксует фильтр, и дышать становится очень трудно. На пути к Москве нам приходилось двигаться в тумане, и мы это «удовольствие» испытали.

Самое главное — это согласованность темпа ходьбы с дыханием. Тренируясь, я выработала в себе постоянный и равномерный темп.

Хожу я так:

Левой—правой—левой—вадох.

Правой—левой—правой—вадох.

Когда я овладею этим ритмом, ходить стало легко и свободно.

Темп ходьбы зависит, конечно, от рельефа местности. На ровной дороге я выдерживаю

постоянно один темп, а когда поднимаюсь в гору или ложу ночью, темп замедляю.

Надо в пути точно соблюдать режим. В длительном походе Одесса—Москва мы придерживались такого режима: 50 минут шли в противогАЗе, потом 10 минут отдыхали. В это время мы снимали противогАЗы и проверяли их.

В сильные морозы я смазывала лицо вазелином. Обувь и одежда, конечно, не должны стеснять ходьбы.

Вот и все. Ходжение в противогАЗе — дело не очень сложное. Вначале, правда, ощущешь некоторое неудобство, но это только первое ощущение. Сменив иногда вид, как некоторые чересчур «сентиментальные» товарищи, надев маску, оттягивают ее от лица пальцем, чтобы свободнее дышалось.

Стаж хождения в противогАЗе у меня небольшой — полгода, но при систематической тренировке этого оказалось достаточно, чтобы получить разрешение участвовать в переходе Одесса—Москва.

А ведь таких, как я, комсомольцев в нашей команде 14 человек. Все мы слышны. Все мы прибавим в Москву в бодром настроении. Чувствую себя прекрасно.

Есть в нашей команде трое девушек-комсомолок. Молодые девчата! Они всегда шли уверенно и бодро. Впрочем, вы лучше их самих спросите, и они нам расскажут, как свободно чувствуют себя в противогАЗе. Фактострой в масках таинствен, честное слово!

И вот мы прибавим в Москву! У Ленинской заставы нас встречали осовлаживающие организации. От берегов Черного моря до красной столицы — 1496 километров — мы прошли за 36 ходовых дней.

Комсорг нашей группы привнес с собой рапорт о нашей победе. Х сзади ленинского комсомола.

Зависла С. ГЛУХОВСКИЙ

ЧЕМПИОН СОЮЗОВ

Очерк заслуженного мастера спорта
П.Л. ИПОЛИТОВА

Ваня Аниканов.

Коньки он любил страстно. Он даже в школу бежал на «снегурочках». Вечером ребята ходили гулять на Морозовский пруд, напротив Зоологического сада. Они швыряли камни в стекло застывшего пруда. Если увидишь кирич не пробивала алая, — веселая ватага рассматривала по зеркалаю поверхности пруда.

Он ждал соревнования. Отборач лучших бегунов, он пугался с ними соперничать и всегда приходил первым. Это его сердило. Он хотел бороться.

Но среди сверстников не находилось равных ему противников.

В Среднекондратьевском переулке, по соседству с ним, жил доктор. Вся Москва знала этого детского врача. Тридцать лет назад он был знаменитым конькобежцем. И когда мальчуган проломил мост дери, на которой блестящая дочка с надписью «Н. И. Седов», он испытывала безграничное уважение к выносе, носившей столь знаменитое имя.

Его любовь к конькам росла с каждым зимним днем.

15 лет он впервые попал на каток. Там он увидел перворазрядников, но их искусство не поразно его.

Он своих сверстников он слышал про удивительных мастеров — Мельникова, Ипполитова. Учиться мастерству он хотел у них.

Наконец, он увидел чемпионов на стадионе «Динамо». На другой день он вымечивал у братьев беговые коньки и открывался на каток «Искра» записывавшись в конькобежную школу Михеева.

Но брат давал коньки редко. Ване приходилось больше кататься на «снегурочках».

Одним брат заболел и на полтора месяца сел в постель.

«Бегачи» перешли в бесконтрольное пользование к младшему братишке. Он зачастую в школу Михеева.

В физикултерном кабинете его осмотрел врач, добродушный Виснае Васильев. Похвалив крепшю по голому плечу, он сказал: «Тренироваться можешь, а на соревнованиях — подожди».

— Мне было 16 лет, когда я первый раз пробежал 500 метров в 54 секунды и этим удивил тренера школы, — рассказывает о себе Ваня Аниканов. — Пока явился брат, я тренировался.

Но тут случилось со мной история. Возвращаясь с ватки, я потерял и травма колен. Брат обругал меня, купил себе новые коньки, а мне сказала, что больше коньки не даст мне «воровки».

Я горевала целую неделю. Страх к конькам не покидал меня. Наконец, я упростила дело, железнодорожного стрелочника Александра Никитича, смастерить мне беговые коньки. Для дела сделала мне коньки из дуба. На базаре я купила старую шалу — из нее вышел отглаженный лезвие.

Я стал регулярно ходить тренироваться на стадион.

Там я видел мастеров, слышу которых хотел подражать. Бега с ними, но расширяя понятие о технике становился.

Дома я перепечатывал журналы по конькобежному спорту. Фотографии чемпионов во время бега рассматривал мне секретные конькобежной техники. Я читалась отой литературы, точно хороших рассказах.

Наконец, брат записал меня на соревнования, срыв от судей мой возраст: мне было меньше восемнадцати лет, и по правилам я не имел права выступать.

Брат дал мне свои коньки.

Дебют мой прошел неудачно. Я бежал в групповом забеге на 1500 метров. Ребята боялись меня, так как я был самым не. Меня сбавил на повороте. Я подпрыгнул, достиг одного конькобежца и пришел к финишу вторым. Потом я стартовал на 500 метров и снова свалился, зацепившись огромным, не по размеру, коньком...

Так заканчивает рассказ о своих первых неудачах будущий чемпион.

После этого он погрузился с конькобежцем Васильевым.

Васильев тренировал его и постоянно твердил: «Помедлай, как бегает чемпион. Видишь, как они мягко, по-коньчому, крутятся по беговой дорожке, насколько выкалывают слух в тачки и бесшумно сползают по льду. Учись и ты бегай так же».

Он Аниканова заговорил, когда он два года назад выиграл первенство Москвы по второму разряду.

Результат на 500 метров был замечен для многих перворазрядников: 47,6 секунды. Время — на полтора километра — 2 минуты 36 секунд — намного превзошло норму. Аниканова пережил в первый разряд.

Но тут его постигла неудача. Впрочем, неудача эта оказалась прекрасным уроком для будущего.

В начале следующего сезона на первом соревновании он оказался, последним в бегах на 1500 метров. Его предугадывали, что если он не возьмется по-серьезному за тренировку на

эту «коварную дистанцию», то он будет всегда в хвосте. Он серьезно занялся о деле. Через два месяца на всесоюзном первенстве он выиграл эту дистанцию у самого Мельникова.

Ваня Аниканов стал первым миттаблентером¹ страны.

На матче трех городов в Ленинграде Аниканов снова показал свой блестящий класс миттаблентера, оставив своих противников на дистанции 1500 метров далеко позади. На 5 тысяч метров он повторил всесоюзный рекорд Мельникова — 8 минут 45,2 секунды. Но выиграть общего первого места ему тогда не удалось: он упал в бегах на 500 метров.

В Норвегии, куда Аниканов был командирован вместе с советской делегацией конькобежцев, о молодом спортсмене торжественно заговорили лучшие знатоки конькобежного спорта. Аниканов показал блестящие результаты по всем четырем дистанциям. По международным правилам зачета ему должно было быть присуждено звание чемпиона Европы. Но первенство было проведено по личному зачету, и Аниканов остался на втором месте после норвежца Хокена Педерсена, проиграв ему всего лишь 0,018 сек. Свою первую дистанцию — 1500 метров — он не уступил никому.

В Гельсингфорсе он пробежал второго километра в 22,7 секунды, чем удивил присутствовавшего на соревнованиях патристичного чемпиона мира финна Гаса Тунбергера, заявившего, что Аниканов в будущем, несомненно, завоеует мировой рекорд на эту дистанцию. В Норвегии Аниканов уже сейчас ставит выше всех конькобежцев мира, в том числе и прославившегося Иваро Балмугура.

В Москву Аниканов вернулся, чтобы в интереснейшей борьбе завоевать звание абсолютного чемпиона Советского союза.

Для дна далась ледяная баталия. 80 лучших спортсменов со всех концов СССР показывали свое мастерство. Победил снова Ваня Аниканов.

Но Ваня Аниканов — не один. На том же разгнраве всесоюзного первенства показав блестящие результаты: москвич Александр Асеев (заяла второе место), ростовец Сергей Гиздиков (победил на дистанции 10 тысяч метров), москвич Мурашов (добыл 4-е место, отодвинув пролагавшего чемпиона Мельникова на пятое место). Все это молодежь.

В женской группе мировой рекордсменка Валентина Кузнецова пришлосьступить в серьезную борьбу с Сырковой Паровой и отдать ей первенство. Чемпионка из Карелии Мария Исакова пришла вперед москвичек.

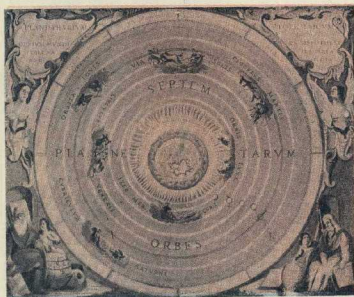
Абсолютному чемпиону Ваня Аниканов есть с кем состязаться!

Всесоюзное первенство по конькам было посвящено X съезду ленинского комсомола. Прекрасным подарком съезду были блестящие победы молодых мастеров ледяной дорожки.

¹ Миттаблентер — бегун на средние дистанции.

«СМЕНЫ»

Древнее изображение Птолемея описывает систему.

ДЕВЯТАЯ ПЛАНЕТА

В древности были известны пять планет: Венера, Марс, Юпитер, Меркурий и Сатурн. Тогда еще не знали, что Земля — тоже планета.

В 1781 году был открыт Уран, а в 1846 году — Нептун.

Открытию Нептуна предшествовали наблюдения над неправильностями в движении Урана. Эти наблюдения и наметили астрономам на мысль о существовании еще одной планеты.

Но и после открытия девятой планеты необходимые неправильности в движении Урана продолжали наблюдаться. Американский

астроном Довал вычислила, что отклонения Урана могут быть объяснены существованием еще какой-либо далекой «запятанной» планеты. Долгое время ее не удавалось найти, и только 14 марта 1930 года эта планета была найдена и названа Плутоном.

Этот новый мир находится очень далеко от нас, и мы пока знаем о нем очень мало. Астрономы предполагают, что Плутоны сравнительно невелики, раз в десять меньше нашей Земли. Он очутился у края Солнца, и для того чтобы обойти вокруг Солнца, ему нужно не менее 250 лет.

РЕЧЬ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА

С рою мартовское утро 1877 года. За особым присутствия сената переполнен. Следствие по делу 50 революционеров, обвинявшихся в антиправительственной пропаганде, близится к концу.

Сегодня, 22 марта, слово предоставляется твачу Петру Алексееву.

«Мы, миллионы людей рабочего населения, — так начал свое речу Алексеев, — что только станем ступить на ноги, бывшем брошены судами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания за поведением школы и времени от непосильного труда и скудного от этого вознаграждения. С десяти лет мальчишки нас старуют проводить с хлеба до хлеба на заработках... Мы поступаем под приговором взрослых, которые розгами и плетками приучают нас к непосильному труду; пытались кое-чем, зараженному разным нечестными вольгатам».

Затем Алексеев переходит к об-

личному самодержавию. «Фабричному рабочему, — говорит Алексеев, — не приходится рассчитывать на помощь правительства... Русскому рабочему народу остается только надеяться на себя и ни от кого не ожидать помощи, кроме как от одной нашей интеллигентной молодежи...»

Здесь председатель вскакивает и кричит: «Молчите! Замолчите!» Но Петр Алексеев продолжает: «...одна она неразумная пойдет с нами до тех пор, пока (здесь он поднимает руку) подымается мускулистая руга миллионов рабочего люда...» Председатель оглашает: «...одна она неразумная пойдет с нами до тех пор, пока (здесь он поднимает руку) подымается мускулистая руга миллионов рабочего люда...» Председатель оглашает: «...одна она неразумная пойдет с нами до тех пор, пока (здесь он поднимает руку) подымается мускулистая руга миллионов рабочего люда...»

Ленин записал заключительные слова Алексеева следующими: «...оппонента русского рабочего революционера» (Ленин, Т. IV, стр. 59).

ГИБЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ СКОТТА

Страшный шторм вот уже четвертый день не позволяет нам покинуть палатку. Мы ослабим, и я едва пишу. Все время на обратном пути у нас не было ни одного для хорошей погоды. Никто в мире не мог ожидать, что встретит здесь в это время года такую замечательную и первую помощь. Я не думаю, чтобы когда-либо человек мог вынести столько, сколько вытерпел мы. И все-таки мы бы дошли, если бы не заболел Огст, если бы, по совершенно необъяснимому для меня обстоятельству, в наших складах не отсутствовало топлива, и, наконец, если бы буря не остановила нас в 11 милях от склада, где мы должны были иметь необходимый для нас провiant».

Такими были последние строки дневника Роберта Скотта, знаменитого полярного путешественника, исследователя Антарктики.

В невзгодной борьбе с условиями Роберт Скотт, во главе группы в 8 человек, покинул лагерь на Земле Виктории, держа направление к южному полюсу. Они прошли обширную равнину Вайоминг Барбера и начали подъем на Антарктические Альпы по Вирдорскому леднику. Путь по порванной ледяной поверхности, возмущающей предательскими трещинами, был невероятно труден. И все же после двух месяцев и одного дня пути

Скотт достиг южного полюса. Но он опоздал. Его опережал Амундсен.

На обратном пути экспедиция

Вверху — профиль пути амундсенов; внизу — скоттов.

Скотта погибла всего в 20 милях от склада с провiantом. Это произошло в марте 1912 года.

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ

В этом году исполняется сто лет со дня начала постройки первой железной дороги в России (от Санкт-Петербурга до Царского села). Инициатором этого дела в России был австрийский инженер Герстнер.

На строительство были согнаны

Ямак гряд, что на заступ старательно
Изо дня в день налагала все век...»

Постройка железной дороги вызвала сильное сопротивление со стороны промышленников. Они бо-

Карлос Пачо «У железной дороги».

крепостные крестьяне с разных концов России. Почти все работы производились вручную.

Нарекос в «Железной дороге» да образ строителей первых железных дорог в России:

«Губы бескровные, веки упавшие,
Ямы на тощих руках,
Вечю в воде по колено стоявшие,
Ноги оутра; колоты в волосы;

ялись конкуренция иностранных товаров на русском рынке.

Интересно, что даже министр путей сообщения Толь выступал против строительства железных дорог, опасаясь, что они «вызвуют развитие демократических идей».

Осенью 1836 года была совершена первая пробная поездка, а в 1837 году состоялось официальное открытие Царскосельской железной дороги.

В шахматном мире

Где же стоял черный король?

¹ Авторам задачи — м. Белагазев и Гутев. В конкурс-
решений «Смеяно» эта задача не входит.

**Вниманию участников конкурса
решений**

В задаче № 14 («Смена» № 2) мы э3 стоим
черная, а не белые ладья.

Уполномоченный Главлита № Б — 21582

Сила игры советских шахматистов растет с каждым годом. Ольга Рубцова, чемпионка СССР, начавшая свой шахматный путь с побед в массовом турнире «Комсомольской правды», играет в силу первой категории. Несколькими годами отстают Вера Чудова — молодой инженер, чемпионка РСФСР Галабуха и другие.

ИСТОРИЯ ГУГО ЗЮХТИНГА

ция журнала «СМЕНА» с надписью: «Реше

КРОССВОРДЫ

Fabrik. Knie. Er. Tee. Graben. Ende. Raten.
Warm. Ohne. Am. Etwas. Gute. Sus(s)e. Sah.

Формат 72×110 см. 4 п. л. 83 500 зн. в печ. л.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Цена 65 коп.

